

ВЫСТРЕЛ В ПРОШЛОЕ

НИКОЛАЙ
Чергинец

Миссия выполнима

Николай Чергинец
Выстрел в прошлое

«ВЕЧЕ»

2017

Чергинец Н. И.

Выстрел в прошлое / Н. И. Чергинец — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Миссия выполняема)

ISBN 978-5-4444-8685-6

«Выстрел в прошлое» – роман известного белорусского писателя Николая Ивановича Чергинца о судьбе двух друзей, спецназовцев-десантников, командиров рот спецбатальона ГРУ, которые в 1995 году выполняли секретное задание в Чечне, и о том, как сложилась их жизнь в наши дни.

ISBN 978-5-4444-8685-6

© Чергинец Н. И., 2017
© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Глава 1. Сны в стиле hogrog	6
Глава 2. Двойная интрига	25
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Николай Иванович Чергинец

Выстрел в прошлое

© Чергинец Н.И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1. Сны в стиле horror

Снова снилась война. Ни один солдат не в силах избавиться от этих навязчивых кошмаров до самой смерти. В раскрытой форточке катилась полная луна – самая пора для страшных видений. Марат рывком поднялся с кровати и посмотрел на будильник. Скоро шесть часов, можно вставать – до пробудки оставалось двадцать минут, и лучше их провести за чашкой кофе, пока не уляжется в душе тягостное впечатление от сна.

Он включил заряженную с вечера кофеварку и залез в душ. Фыркая под тугими струями контрастного душа, он, казалось, смывал с себя ощущения липкого от пота и крови комбеза, судороги прыгающего в руках калаша, пули из которого во сне почему-то бессильно валялись из ствола на землю перед самым носом, в каком-то полуметре... Марат заново вживался в сегодняшний день, в котором он находился в обыкновенном подмосковном городке с простым названием Долохов, ходил каждый день на службу и ни в кого не стрелял. Ну, по крайней мере почти...

Загляни кто-нибудь с улицы, он увидел бы седого парня с ежиком коротко стриженных волос, сидящего перед кружкой кофе, курящего привычный «Десант». Прохожему показалось бы, что он смотрит в окно, но перед глазами бывшего капитана Суворова стремительно проносилась «кинолента» – один из эпизодов бесконечного военного кошмара...

В боевиках теперь любят ставить внизу кадра строку, сообщающую зрителю место и время действия. Под сценой, которая разворачивалась в глазах Марата следовало написать: «Март 1995 года. Секретная база ГРУ недалеко от Толстой-Юрта».

– Суворов, просыпайся, срочно вызывают в штаб, – послышался голос дежурного по роте.

Машинально встав и едва продрав глаза, Марат успел взглянуть в окошко палатки – на улице было еще темно.

– Что за черт, – скорее машинально выругался Марат. – Только вернулся с задания...

Тут же забыв обо всем, окончательно проснувшись, как это умеют делать на войне разведчики, Марат вынул из-под подушки портупею, нащупал кобуру и через три минуты был в штабной палатке.

В палатке у командира особой роты ГРУ – так называемой группы «Ноль» – полковника Головачева было тепло и накурено. Видно было, что здесь никто спать и не ложился. В соседнем отделе громко работала спецсвязь, нервно бегали кодировщики. «Что-то наверняка стряслось», – подумал про себя Марат. В центре, у карты, под большой лампой, светящей неровным светом, стояло несколько офицеров: Головачев, армейский друг Марата старший лейтенант Смирнов и лысоватый, холеный, в новенькой форме полковник.

– Так вот, сынки, – обратился Головачев к Марату и Смирнову, – вызвал я вас для того, чтобы поручить ответственное задание. Полковник Губаренко привез приказ из координационного центра... Прежние планы меняются. Намеченную вчера операцию, Суворов, вам придется выполнять силами собственного подразделения. Для группы Смирнова появилось срочное поручение.

– И куда на этот раз? – нетерпеливо спросил Смирнов, но ему не дал закончить полковник Губаренко.

– Лишние разговоры, старший лейтенант, – находка для врага. Конкретные задачи получите в пакете, который разрешаю вскрыть только в вертолете. Никаких переговоров по радиации. Вам все ясно?

– На сборы даю двадцать минут! – устало продолжил Головачев. – Поднимайте бойцов!

– Товарищ полковник, – решил обратиться к Губаренко Марат, – согласно плану операции мы со старшим лейтенантом Смирновым работаем вместе. Нас же посекут в случае чего без прикрытия...

– На этот раз, старший лейтенант, вы полетите раздельно... Это приказ! Выполнять! – рявкнул Губаренко.

Вылетев пулей из командирской палатки, Марат и Смирнов знали, что перед тем, как разбудить бойцов, у них еще будет несколько минут для разговора.

– Ну и мудаки, – сплюнул от злости Смирнов, – что им нейдет? То две недели этот вурдалак Шеин мурыжил с какой-то психологической спецподготовкой. Только собрались на операцию – на тебе! Снова полетим разгребать чужое дерьмо. У них что, кроме нас, никого нет?

– Такая работа, ничего не поделаешь, – попытался успокоить друга Марат. – Кстати, откуда взялся этот полковник Губаренко? Ты посмотри: наш Головачев перед ним чуть ли не на цыпочках бежит.

– Я сам толком не знаю. Видел его в лаборатории у Шеина, еще в госпитале Бурденко, в Москве. Что они с нами крутят? Я им кролик подопытный или кто? – злился Сергей. – Но ведет он себя как пуп земли. Видал, как наш полкан сам был не свой, – продолжал Смирнов. – Видимо, Губаренко и его достал.

– Ладно, Серега. Все будет хорошо, я видал, какие вы чудеса творили после спецподготовки. Отдохнем летом, в отпуске, а сейчас за работу, – подмигнул товарищу Марат.

– А как же иначе. Я уже знаю, как мы с тобой в отпуске развлечемся. Помнишь, я говорил, что под Одессой у моего старика домик на море пустует. Солнце, пляж, девочки. Ну, как тебе такие перспективы? – довольно потер ладони Смирнов.

– Заманчиво, я-то на море ни разу не был, с детства мечтал о горах. Вот и попал в горы, – усмехнулся Марат.

На мгновение остановившись, Марат и Смирнов приобнялись, похлопав друг друга по спине.

– Будем жить, – в один голос произнесли друзья, посмотрели на секунду друг другу в глаза и бегом отправились к своим подразделениям.

Старый, истерзанный войной Ми-8 (по-военному – просто «вертушка») медленно, рывками поднимался от земли. Казалось, еще чуть-чуть – и вертолет развалится на части или упадет, не говоря уже о том, чтобы набрать нужную высоту. Но никто не обращал на это внимания, зная, что новой техники на войне не бывает, а этот вертолет, если его не изрешетят «чехи» или «нохчи» (как называли чеченских боевиков федералы), еще многих переживет.

Грохот в багажном отделении, в котором кое-как разместилось пятнадцать бойцов, стоял невероятный. Заместитель Марата лейтенант Зеленко попытался что-то выговаривать старшине Куценко, который отвечал за снабжение, за то, что тот на десять секунд замешкался и чуть было не оставил на базе ящик с сухпайком, однако через несколько секунд успокоился, махнув рукой, – все равно ничего слышно не было.

Марат знал, что на войне главное оружие – цинк патронов и пол-ящика гранат, которые можно распахать по всем карманам и даже в вещмешок и на ремень. Полное снаряжение спецназовца – это автомат Калашникова и 450 патронов в 15 запасных магазинах, две ручные гранаты РГД-5, бронежилет, РД – рюкзак десантника, плащ-палатка, каска, два сухпайка, фляжка с водой и булка хлеба. А у кого-то подствольный гранатомет с гранатами или одно-разовый гранатомет «Муха». Опытные военные, участвуя в серьезных операциях, пытаются захватить с собой как можно больше боеприпасов, игнорируя все остальное. Боеприпасы – это жизнь: если в бою кончатся патроны, никакие продукты тебя не спасут...

Марат смотрел в иллюминатор на палаточный городок и удивлялся, какой он маленький и незащищенный. Он привык за время войны ко всему: к недостатку пищи, мукам-генералам и, наконец, к смерти, которой он навиделся вдоволь. Вот только к халатности не мог никак привыкнуть. Кто мешает дать приказ поставить еще несколько блокпостов, организовать точки наблюдения на высотах. В конце концов расставить грамотно наряды. Ведь боевики далеко не мальчики для битвы – прихлопнут, если захотят, за просто так, а отвечать будет, как всегда, некому.

В этом страшной войне, уже привычной Марату, важнее всего были люди – его товарищи и подчиненные. Марат не стеснялся выбивать для них лучшее снаряжение, новое оружие на складах, а если нужно, мог поговорить по-мужски с тыловыми крысами и достать для ребят свежей тушенки или фрукты.

Его солдаты не были похожи на героев американских боевиков, хотя Марат знал, что его ребятки дадут фору многим западным спецназовцам. Те – чистенькие, привыкшие к комфорту, никогда бы не согласились участвовать в общевойсковых операциях, а его ребята были брошены на штурм Грозного в новогоднюю ночь нового 1995 года. Тогда погибло немало спецназовцев, зато выжили многие салажата из мотострелков. Это была настоящая бойня, где было по-настоящему страшно. Молодой крепкий парень Володя Малышин, сибиряк, почти двухметрового роста, красавец, говорун вышел после этих боев с тяжелой контузией. Тогда он несколько дней, отрезанный от группы, в раздолбанной пятиэтажке недалеко от центра Грозного удерживал свой дом до подхода основных частей. Теперь он больше молчит, скрывает, что заикается и растягивает слова. Его хотели «списать», отправить домой, но Володя отказался. Вспоминая те страшные дни, Марат хлопнул сидящего Володю по плечу и улыбнулся, Малышин показал командиру большим пальцем, что все будет хорошо.

Некоторые военные и штатские выступают за проведение войны исключительно подразделениями спецназа, по сути, предлагая возложить на разведчиков функции обычных общевойсковых подразделений. Но это глупость, думал Марат. Спецназ может многое, но не все. Тем более что служат в нем большей частью вчерашние школьники, а не солдаты-профессионалы, подобные американским «зеленым беретам» и рейнджерам. Как бы то ни было, половину работы делает спецназ ГРУ, страдая от некомпетентности армейских командиров и комендатур. Марат вспомнил, как недавно со Смирновым ребята попали под минометно-артиллерийский обстрел, хотя у них каждый раз была информация, по какому району в горах нельзя стрелять, когда в этом месте работала наша группа. Немудрено, что в спецгруппе Марата, которая по штату должна состоять из офицеров и прапорщиков, нашлось место и толковым старшинам и сержантам, уже побывавшим в горячих точках и прошедшим ускоренные курсы в спецшколе.

В спецгруппе Марата был новичок, повоевавший, правда, в Азербайджане, – радист Артем Лугов, – заменивший убитого в последнем бою под Хасавюртом Олега Коробова – замечательного парня из Перми, мечтавшего вернуться домой и стать диджеем. Кстати, новый радист может весьма пригодиться подразделению: недавно он прошел спецподготовку в Прудково под Волгоградом, неплохо знает чеченский язык. Однако опыт на войне важнее знания. Поэтому от Лугова ни на шаг не отставал, инспектировал лейтенант Костя Зеленко, опытный боец, будущий командир такого же подразделения. Не секрет, что на войне командиры быстро идут в расход.

И сейчас они выполняют свою работу – не спрашивая у Марата, зачем и почему он ведет, возможно, на верную гибель своих ребят, которым эта война не нужна...

Через несколько минут, когда вертолет избрал юго-восточное направление, Марат вскрыл пакет, в котором находился подкорректированный приказ – «занять населенный пункт Шарой и удерживать его до прихода роты МВД, обеспечивая сохранность имущества взвода пограничников». Пограничники после очередной операции по обезвреживанию бое-

виков на грузино-чеченской границе по каким-то причинам застряли в этом месте и потеряли управление, да еще на руках с секретной оптической техникой. Как назло, в этом районе по данным разведки с грузинской стороны движется большая группа боевиков. Разница в задании была лишь та, что отсутствовала группа прикрытия, которая должна была занять позиции севернее села и контролировать ситуацию на случай неожиданной атаки. «Иди на ринг с одним кулаком – вот что это значит!» – сказал себе Суворов и больше об этом не думал – занялся делом.

Уничтожив приказ, Марат прикинул, что лететь им не больше двадцати минут и за это время нужно поставить задачу бойцам, проверить амуницию.

Через пятнадцать минут, как и предполагал Марат, вертушка, сделав несколько кругов над селом, начала вертикально спускаться. Марат еще раз пристально всмотрелся в лица своих бойцов – они были спокойны и сосредоточены. В его подразделении все были профессионалы. Каждый выполнял еще и свои задачи, не забывая и о близких товарищах. «Наверное, поэтому, – думал Марат, – за последние месяцы тяжелых операций отряд не потерял ни одного бойца. Но это пока», – недоброе предчувствие овладело им, но Марат отбросил эти мысли – незаметно для других постучал трижды по деревянному ящику с патронами и улыбнулся, кивнув самому молодому из подразделения – радисту Лугову, парню, судя по всему, не робкому, но поддержать его следовало бы, – подумал Марат.

Вертолет приземлился на небольшой и малоудобной площадке в двух километрах от села Шарой. Светало. Большие горы начинались за населенным пунктом в нескольких километрах. Их вершин уже касались первые лучи зимнего солнца. Внизу, в ущелье, находилась дорога, которая хорошо просматривалась. В селе – пункте назначения – все было тихо.

Выгрузка взвода и экипировки, нескольких ящиков с боеприпасами и провиантом прошла нормально. Однако расслабляться было нельзя, надо контролировать ситуацию. Район опасный. Село расположено на плато, за которым находятся горы. А там, кто знает, возможно, ждут своего часа боевики. Со стороны гор идет единственная дорога, по которой большому отряду бандитов пройти будет сложно, если грамотно поставить боевое охранение и оборудовать огневые точки. Однако Марат еще с вертолета не заметил боевого охранения.

Когда вертолет набрал высоту и превратился в летящую точку, Марат передал бинокль Зеленко:

– На, посмотри, я никого не вижу.

Осмотрев село, заместитель Марата раздраженно выпалил:

– Не нравится мне все это, командир. Но следов нападения на село я тоже не вижу.

– Что будем делать, старлей? – как-то неуверенно произнес стоящий за спиной старшина Куценко.

– Осторожно исследуем село, – уверенно произнес Марат.

– А если там боевики? Да и вообще... – пытался возразить Зеленко.

Марат ничего не ответил.

Село располагалось на небольшой возвышенности и было разделено надвое дорогой. Визуально в нем дворов десять. Дома выглядят убого, хотя по данным Марата за время войны каких-либо серьезных боевых действий здесь еще не было. Однако по оперативным данным через село не раз проходили боевики, пересекавшие границу с Грузией.

Через час, спустившись с плато, группа Марата была в километре от Шароя. Еще через несколько минут, когда можно было разглядеть развешенное на веревках белье в дворах, неприхотливую деревенскую утварь, бойцы услышали странное урчание. С другой стороны

села, то есть с дороги, круто уходящей в горы, показался серебристый джип. Марат приказал всем приготовиться к бою.

– Надо же! – произнес в этот момент лейтенант Зеленко. – Похоже, нас ждали.

Совершенно новенькая машина с московскими номерами остановилась прямо у дороги в пятидесяти метрах от изготовившихся спецназовцев. Из нее вышли трое пожилых чеченцев, один помоложе остался за рулем.

– Добры дэнь, камандыр, – как будто отрапортовав, обратился к Марату один из чеченцев.

«И как только они различают начальство? – подумал про себя Марат. – Взгляд острый, испепеляющий, но поведение спокойное... Что-то здесь не так...»

Как будто почувствовав интерес Марата к себе, старик продолжал:

– Бандыт здэс нэт, бандыт в горы ушел, ухадытэ, – мы мырныя люды!

– Здесь по оперативным данным была наша часть, где она? – спросил Марат.

– Аны уехали.

– Когда?

– Вечэра.

– Куда уехали? – не выдержал и вступил в допрос лейтенант Зеленко.

– Нэ знаю. Уехали вэчером.

– А где техника?

– Савсэм всо забрали.

– Мы должны осмотреть село, – сухо ответил Марат.

– Нэ дэлай этого, началник, – не унимался старик.

Водитель автомобиля в этот момент что-то выкрикнул из салона джипа, подняв руку к небу.

– А чего вам бояться, раз никого нет? – переспросил старика Марат. – Убедимся, что никого, и уедем. Или вы боитесь чего?

– Грэх это началник, грэх! – поднял руки к небу старик.

– А где население аула? – вдруг спросил у старика лейтенант Зеленко.

– Всэ в горы ушол. Вас баится. Вэрталет баится.

– А чего бояться, мы, наоборот, вас защитить пришли, – весело парировал Зеленко.

– Нас ныкто не защытит, – отрывисто произнес парламентар.

– Не бойся, уважаемый, никого не тронем и уйдем спокойно, – спокойно ответил Марат.

– Грэх, грэх. Бэда будет, – продолжал старик, а остальные двое в знак подтверждения слов старшего закивали головами.

В этот момент, сидящий в машине, небритый водитель выскочил из нее, что-то громко выкрикнул в сторону стариков. Те даже не шелохнулись. Но самый старший из них еще раз, умоляюще глядя в лицо Марата, произнес:

– Уходытэ, сынки.

– Постойте! – не выдержал Зеленко. – Командир, неужели мы их так отпустим. Надо осмотреть машину. И этот в тачке мне не нравится.

Марат кивнул, и в считанные секунды бойцы окружили машину со всех сторон. Молодой чеченец был буквально пригвожден лицом к капоту юрким Зеленко.

Осмотр показал, что, кроме большого ножа, оружия у чеченца нет. Однако бдительный Зеленко не унимался.

– Покажи мне руки, – обратился он к водителю. Тот нехотя протянул их прапорщику.

– Ах, ты морда! – двинул его своей тяжелой рукой Зеленко. – Да посмотрите на его руки – как пить дать вчера «калаш» держал, а сегодня овцой прикидывается.

– Не трогай его, – остановил разборки Марат. – Отпусти его.

Машину оставили на том же месте. Перебежками бойцы приблизились к деревне. Кивком Марат приказал двум бойцам идти вперед, обследовать крайний дом. Он решил, что с четырьмя бойцами будет прикрывать их действия. Володя Малышин вел водителя джипа. Старики шли рядом.

Марат прекрасно осознавал, что у него нет возможности нормально провести зачистку села. Был бы взвод Смирнова – тогда другое дело. Впрочем, в нарушение инструкций, Марат выходил на задание со своей группой впервые. В этот момент он со злостью вспомнил полковника Губаренко... «А если вдруг боевики окружают село? Это будет западня?» – никак не мог успокоиться Марат. Однако больше всего его волновала тишина. Разбросанные на дороге вещи указывали на то, что обитатели деревни покидали ее быстро.

Ничего нет страшнее тишины на войне – зловещей и непонятной. В такое время полжизни можно отдать за то, чтобы знать, чем она вызвана и что будет через пять – десять минут – кто-то напорется на растяжку, или на мину, или прозвучит отбой тревоги. Впрочем, Марат знал, что расслабляться нельзя ни на минуту даже во время отдыха, привала. Враг только и ждет того, чтобы напасть в самый неподходящий момент.

Группа проверяла двор за двором – комнаты, погреба, сараи. Через пятнадцать минут Зеленко отрапортовал, что бойцы осмотр закончили, а в деревне никого нет.

– А куда делся артиллерийский взвод вместе со складом вооружений и техники? – раздраженно спросил Марат у своего подчиненного. – Сквозь землю провалились?

– Все показывает, что люди здесь были еще несколько часов назад и, вероятно, спустились вниз по дороге.

– Передавай в штаб, Лугов, – обратился Марат к стоящему рядом радисту. – Артиллерийской части не обнаружено. Следов боевого столкновения нет. Какие будут дальнейшие приказания?

В этот момент неожиданно для спецназовцев раздался глухой хлопок и стоящий впереди прапорщик Гладов упал, выкрикнув: «Командир, бандиты!»

Все моментально, повинуясь инстинкту самосохранения, упали на землю. Мозги у спецназовцев в такой ситуации включаются мгновенно. Не поднимая глаз, по хлопкам можно понять, из чего стреляют, сколько метров от засады, профессиональную подготовку противника. Падая, Марат заметил, как, воспользовавшись суматохой, дернулся чеченский водитель и бросился на пригнувшегося Малышина. Пока Малышин, опешивший от нападения, поднимался, чеченец попытался вырвать у него автомат. Но не успел, – Малышин изловчился, вытащил нож и ударил им нападавшего прямо в горло. Чеченец посмотрел на бойца, как бы не веря в то, что это последние секунды его жизни, и упал замертво.

В этой суматохе Малышин, не обращая внимания на чиркающие над головой пули и разрывающиеся мины, бросился к старику. Такие вспышки гнева на войне часты. Хуже, когда у солдат едет крыша. Но любой гнев на войне не нужен или опасен, если он не направлен на врага. Старик был не виноват. Это Марат понимал, поэтому успел одернуть бойца:

– Ты, че, твою мать, может, еще своих перестреляешь?

– Я убью эту суку, командир! – выкручивая свою руку из рук Марата, выкрикнул Малышин. – Из-за этих гадов мы попали в засаду!

– Прибереги силы и злость для «чехов». Занять боевую позицию, боец!

Малышин подчинился и, не сказав ни слова, лег на землю, а через несколько секунд по-пластунски подполз к гигантскому валуну, стоящему на обочине, и спрятался за него.

– Отец, где наши ребята и сколько бандитов? – обратился к старику Марат.

– Ваших всех перэрэзали, только камандыра увелы. Куда – нэ знаю. Тэхнику спустили в пропасть.

– А сколько их?

– Многа, очэн многа. Оны всех з села увэлы вныз. Эта западня. Сказалы, еслы што нэ, всех растрэляют...

В этот момент метрах в двадцати от Марата и старика разорвалась мина. Его нескольких бойцов присыпало землей. Через несколько секунд, когда Марат поднял голову, то услышал кашель старика и увидел на его рубашке кровь – осколок попал аксакалу в область сердца. Марат поднял голову старика. Он был еще жив, тяжело дышал.

– Отец, если можешь говорить, скажи, как нам выбраться отсюда? Слышишь? – Марат еще немного приподнял старика.

– В далыну нэ иды, адгя дарога... ввэрх, в горы, – прохрипел старик. – В горы иды... С гары спустытэсь па рэке, увидыш сам... другой дарога нет... Внызу будут бандыты... Их камандыр араб... В сэлэ, в далннэ у мэнэ брат живет, Аслан... Аслан Мамэдов. Живет второй дом от дорога... Он выведэт вас...

При этом старик как-то обмяк, закрыл глаза, сделал вдох и испустил дух.

– Ну хоть на этом спасибо, отец, – успел произнести умирающему Марат, но не успел договорить, как взрыв мины свалил Марата с ног. Холод, терзавший целые сутки, моментально ушел, выступил пот, стало жарко как в бане. Мозг усиленно заработал в эти минуты. Сознание пришло быстро – жив, не ранен. Закрыв старику глаза, Марат подполз к радисту.

– Передавай быстрее, – обратился Марат к Лугову, – кодированное сообщение: попали в засаду. Пусть срочно вызывают группу прикрытия... Ты что, не понял, Лугов? – Марат с силой дернул бойца за плечо. Но тот тупо посмотрел на своего командира, правой рукой сжимая кисть левой.

– Артем, ты ранен? Рука? А так – цел?

Побледневший радист успокаивающе ответил:

– Спокойно, командир, чиркануло. Вот только рацию малеха задело.

– Починить сможешь?

– Не знаю, попробую.

– Тогда быстрее пробуй, Лугов! Теперь от тебя многое зависит. Вот тебе бинт. – Марат достал из кармана пакет и передал радисту.

Со стороны ближней высоты, в полукилометре ярко вспыхивали огоньки автоматов. Огонь был настолько плотный, что голову поднять было тяжело, не говоря о том, чтобы перестроиться и толком понять ситуацию.

Село с той высоты просматривалось как на ладони. Об этом знали бандиты и поэтому все заранее предусмотрели. Все точки в селе были пристреляны, – так что головы не поднимешь. Кроме того, из минометов осколочным можно было методично расстреливать любой квадрат. Но это было полбеда, – со стороны дороги показалось несколько легковых машин, один армейский грузовик, откуда выскочили люди в камуфляжной форме – около полусотни. Это была хорошо спланированная западня. Старик был прав по дороге вниз не прорваться, а выход в горы прикрывала группа снайперов и минометчиков на высоте.

– Всем спрятаться за центральный дом, – приказал Марат, – держать круговую оборону! Раненых отнести в погреб – оказать необходимую помощь. – Марат знал, что без поддержки извне им не продержаться и нескольких часов.

– Сволочи! – прокричал Малышин, после того как очередная мина угодила в соседний дом, а глина, доски и песок засыпали дорогу. – Командир, давай я подползу ближе и ударю из «мухи»!

– Там снайпер сидит, дубина! Здесь надо создать дымовую завесу... и отходить к высоте.

Но Малышин его не услышал. В этот момент, когда ударной волной снесло крышу дома, служившего бойцам укрытием, Малышин неудачно развернул «муху», и струя выхлопа ударила ему в затылок. Боец упал на бок, зажав двумя пальцами нос.

– Контузило?! – прокричал прапорщик Хоревский.

– Не, глушануло немного! – заорал Малышин в ответ.

– Молодежь, мать вашу! – выругался прапорщик. – Учить вас всему надо!

В суматохе боя и поднявшейся пыли Марат все же заметил, что боевики решили окружить село. Можно было разглядеть – они прекрасно вооружены: гранатометы, минометы, с десяток ручных пулеметов. При лобовом столкновении группе и часу не продержаться. А если удастся их остановить на время, то ценой больших потерь.

– Патроны беречь, – скомандовал Марат. – Ту группу слева отсекай. Если подойдут к крайнему дому, – стреляйте в стены из подствольников!

После того как группа из пяти боевиков укрепилась на окраине села, Марат решил, что пора оповестить командование о своем безнадежном положении.

– Секретный позывной – «обед заканчивается», – скомандовал радисту Марат. Спецназовцам запрещалось передавать голосовые сообщения в штаб кроме того случая, если группа находится на грани уничтожения.

– Что?

– «Обед заканчивается»! Ты, что оглох? – не выдержал Марат.

– «Беркут», «Беркут», как слышишь? «Обед заканчивается», прием! – затараторил Лугов.

Через пять минут радостный Лугов протянул наушники и ларингофон командиру:

– Есть связь, товарищ старший лейтенант, «Беркут», – Артем протянул комбату наушники, и Марат услышал голос штабного.

– «Беркут», это главный, – прокричал Марат. – «Обед заканчивается», без провианта продержимся не долго, мать вашу!

Но в штабе его, вероятно, плохо слышали. Голоса обрывались. Марат успел лишь понять, что из-за метеорологических условий вертолета со спасательной группой не будет.

Когда по связи от командира очередной группы приходило последнее кодовое сообщение «обед заканчивается», по отработанной давно в его подразделении схеме командование должно было выслать группу или по крайней мере прочесать квадрат. На секунду Марата охватило чувство безысходности. Ему даже показалось, что страх охватил его бойцов. Но это было мимолетное ощущение. Он знал, что его бойцы умрут, если нужно, но не оставят этого проклятого места. Он видел, как они, огрызаясь автоматными очередями и редкими выстрелами из подствольников, уносят жизни десятков бандитов. Но этих тварей было слишком много, а боеприпасы слишком быстро таяли.

Выдвигаться в горы будет трудно, а там идти по ослиным тропам, узеньким дорогам с ранеными, однако это был единственный путь, но мешал огонь с высоты, там засели несколько бандитов, в то время как внизу, под селом их было человек сто – не меньше. Если преодолеть метров триста и подобраться к ее подножию – бандиты не смогут вести прицельный огонь. А там, если повезет, – можно будет добраться до горной тропинки и скрыться.

Через десяток минут, когда противник был в двухстах метрах от спецназовцев и пытался закрепиться за первыми домами у дороги, минометный обстрел прекратился. Однако Марат знал, что высовываться не стоит – на высоте снайпер только и ждет этого. Кроме того, расслабиться не давали пулеметные трассы, они плотно ложились у голов бойцов, разрыхляя снег и выдалбливая промерзшую землю. В момент, когда ситуация стала критической, внезапно все стихло. Маратовские бойцы подняли головы, ошарашенно поглядывая друг на друга и на командира.

– Командир! Вас вызывают! – неожиданно закричал радист и добавил, что это не командование.

Марат подполз к рации, где рядом с радистом в небольшой ложбинке находился прапорщик Хоревский, со злостью рвавший зубами пакеты с бинтами.

– Эй! Командир! С тобой говорит Хамид! – послышалось в наушниках. – Мы знаем ваши позывные. Помощи не жди, никто не придет к тебе. Давай по-хорошему договоримся! Как мужчины! Вы складываете оружие, а мы вас отпускаем. Накормим, вина хорошего грузинского нальем... А, командир, что скажешь? Мы вас не тронем!

Марат был профессионалом и знал, что доверять бандитам не стоит, тем более отвечать на их вопросы. Однако грех не воспользоваться передышкой. Поэтому не отвечая, кивком приказал двум бойцам приготовить дымовые шашки и сгруппироваться.

– Эй, командир, не глупи, – послышался тот же голос в наушниках. – Шансов у вас нет. Сдавайтесь!

В этот момент Марат окончательно уверился, что другого пути, нежели пробиваться по горной дороге, нет. Это означало, что шансы на спасение у его группы равнялись почти нулю. Марат кивком подозвал к себе лейтенанта Зеленко. Когда тот подполз ближе, спросил у него:

– Какие потери?

– Трое убиты: сержант Иванов, старшина Гладов...

– Да ни тараторь ты, – оборвал его Марат. – Сколько убитых и раненых?

– Трое убитых, пятеро ранены, двое – тяжело, – ответил Зеленко.

– Понятно! Слушай мою команду: сейчас ведете плотный огонь по селу. Цель первая – дома перед нами. И вон тот крайний. Затем создаем дымовую завесу и выдвигаемся по одному в сторону высоты. Ты в авангарде, я прикрываю сзади. Прячьтесь за домами. У последнего остановитесь. После чего все вместе, бегом, как можно быстрее к высоте – чем быстрее – тем меньше потерь!

– Командир, а что с ранеными?

– Раненых понесем. А с убитыми, – Марат секунду помолчал, – мы вернемся за ними... эти сволочи ответят за все... Передай по цепочке: отход начинаем через пять минут.

Меняя рожок, Марат на несколько секунд задумался о своем решении: оставляя убитых, он отдавал их тела на растерзание ублюдкам, которые надругаются над ними, изрежут их тела.

– Простите, ребята! – шепнул им Марат.

Пока они готовились к выполнению плана, боевики перебежками с криками «Аллах акбар» и матом начали штурм села. Но в этот момент сработали дымовые шашки. Через несколько секунд группа Марата бегом направилась к высоте. Некоторое время чеченцы остервенело и беспорядочно стреляли в разные стороны, но входить поглубже в деревню боялись. Это и нужно было группе Марата, – когда боевики на высоте поймут, что группа Марата приближается к ним, у его товарищей будет две-три минуты, чтобы обогнуть несколько сот метров сопки и уйти по горной дороге или покрошить огнем засевших бандитов.

Несколько минут казались целой вечностью. На высоте боевики поначалу не заметили бегущих спецназовцев. Марату даже подумалось, что они смогут беспрепятственно улизнуть на горную дорогу. Однако пять или шесть боевиков в этот момент уже спускались по пологому склону в деревню, не ожидая от россиян такой дерзости.

– Русские, мать-перемать, – послышалась ругань вперемешку с чеченскими словами.

Первым же выстрелом снайпера на высоте разворотило шею прапорщику Хоревскому, вторым – специалисту по минному делу Диме Жилину. В этот момент огонь был настолько плотный со всех сторон, что, казалось, из этого ада никто живым не выберется. Из пулемета разрубило лейтенанта Зеленко. Марат уже видел нохчей, дрогнувших и попятившихся назад. Через минуту завязался короткий бой – противники расстреливали друг друга с расстояния десяти – двадцати метров. В суматохе Марат вырубил прикладом какого-то араба, боровшегося с раненым в ногу Малышиным.

– Сваливайте на горную дорогу! – приказал Марат оставшимся ребятам. – Через несколько километров начнется спуск. На равнине наши блокпосты. Я попытаюсь задержать духов, и никаких возражений, – добавил Марат подчиненным. В этот момент с горы послышался хлопок – один из раненых, прапорщик Куницин, упал замертво.

– Марат, там снайпер! – успел выкрикнуть Малышин, получив ранение в руку.

Марат заметил «духа» и, ничего не говоря, бросился за ним. Извиваясь кошкой, выбирая, куда ступить, Марат за минуту добрался до насиженного снайперского места. Опешивший снайпер несколько раз промахнулся с близкого расстояния, что и предрешило его судьбу. Марат с близкого расстояния расстрелял в упор, высадив в бандита почти весь рожок. Осмотрелся, вокруг гильзы 7,62-мм лежат россыпью, несколько патронов-«красноголовок», бронебойно-зажигательных... Рядом рогатина торчит – видно, снайпер сидел. «Неплохое место “душки” выбрали», – подумал Марат и сунул несколько патронов в карман брезентовой «горки» как вещдок, на всякий случай, – может, по серии на гильзах контрразведчики вычислят источник поступления боеприпасов. Выхватив из рук убитого винтовку и найдя в карманах патроны, Марат начал спешно спускаться вниз. При этом он услышал, как застрочил пулемет Малышина. Раненый и истекающий кровью боец уложил нескольких боевиков, пустившихся вдогонку за спецназовцами.

– Командир, я нарушил приказ, – через силу улыбнулся Малышин. – Я сказал ребятам уходить. И вы уходите.

– Не дури, Малыш, – ответил Марат, вынимая из кармана упаковку обезболивающего. – Тебе еще жить. Будет вертушка. Все будет хорошо.

– Командир, ты знаешь, что со мной сделать, – показал он свою белоснежную улыбку.

– Знаю, потащу тебя, детина ты глупая, не хватало, чтобы ты себя еще, не дай бог, не прикончил. – Если надо, дотащу прямо до твоей гребаной Сибири. Привезу тебя, отдам невесте и тогда успокоюсь. А сейчас, – Марат достал из кармана аптечку, – вколю тебе промедол – легче станет.

Отдохнув несколько минут и убедившись, что бандиты пока не решились на новый штурм, Марат спокойно установил несколько растяжек, снял с убитых нохчей несколько рожков к АКМ и, придерживая хромающего Малышина, пошел по горной дороге.

Резкий подъем, начинавшийся сразу за высоткой, был очень скалистый и неудобный. Кроме того, нужно было идти против солнца. Впрочем, Малышин, усердно прихрамывая, не сильно обременял Марата, старался идти сам, не наваливаясь на товарища всем своим весом. Так прошел час, когда они встретили радиста Лугова, который сменил Марата.

– Лугов, что со связью? – отдышавшись, спросил Марат.

– Обычная приказала жить, а вот это, – связист показал командиру небольшой прибор, – может нас выручить. Это прибор для спутниковой связи. К нему обычно подключается переносной корректировщик огня или чемоданчик с кнопкой. У нас этого нет, но это не главное – он передает наши координаты, если, конечно, спутник в порядке.

– Даже если ты, Лугов, не заливаешь, – ответил Марат, – проблема в том, когда они пришлют спасательную группу? Сюда им не добраться, нам нужно идти в деревню. Там, по словам аксакала, живет его брат. Он нам поможет.

– А если там бандиты? – тяжело дыша, спросил Малышин.

– Все может быть, – ответил Марат. – Поэтому идем осторожно.

На этом участке района, примыкавшего к границе с Грузией, давно никаких армейских постов не было. Здесь бандиты сотни раз нарушали границу, беспрепятственно спускаясь с гор. Здесь, по оперативным данным, шли смертоносные караваны с оружием и наркотиками. Любой военный, тем более спецназовец, знал, что гораздо эффективней наносить точечные удары по базам боевиков в Грузии, чем бороться с ними на своей территории, где они могут

спрятаться как иголка в сене. Однако командование как будто не понимало этого, бросая в мясорубку молодых необученных пацанов.

До перевала шли молча. В этом походе прошел день, и наступила ночь. Целый день, экономя тепло, стараясь не пить холодную воду, они медленно приближались к цели. Запасы жидкости, что оставались в организме, выжимало обмундирование, броник. Пот ручьями заливал глаза, спины ломило так, что, казалось, уже ни в жизнь не разогнуться. Ставшее насквозь мокрым белье липло к телу, при каждом движении из-под ворота пыхало влажным жаром. Неподъемный автомат оттягивал руки. Хотелось выбросить все вон. Малышин даже с поддержкой не мог дальше идти, поэтому привалы делали через каждые пятнадцать минут...

Утром, когда дорога дошла до почти ровного плато, обильно поросшего сосной, они остановились. От дороги, идущей еще дальше в горы, шла узенькая тропка вниз, в ущелье. Бойцы сразу как-то повеселели. Однако это нужно было бы проверить. Кто знает, не разделился ли отряд боевиков на две части? А если это так, то наверняка бандиты переговорили об этом по рации. Кроме того, село это было враждебным к федералам. Месяц назад там была обстреляна группа мотострелков.

Когда Марат разрешил остановиться на привал, он еще не знал, что погода поторопит наступление темноты. В горах началась настоящая буря – снег с дождем накрыл спецназовцев всей своей мощью.

Самое страшное, что уйти от бурана было некуда. Что поделать – бойцы прижались к друг другу и накрылись плащ-палатками. Через несколько часов борьбы со стихией, когда сил, казалось, совсем не осталось, буран неожиданно ослабел. Наступала ночь, а значит, следовало идти вперед, к селу. По карте это должен был быть Ушкалой или Гухов. Однако сил идти не было и Марат дал команду отдыха, и спецназовцы сразу же уснули, укрывшись в скалистой расщелине. Через три часа бойцы начали спуск, а затем остановились метрах в пятистах от села в большом овраге.

Теперь надо было дожидаться глубокой ночи, чтобы двигаться в село. Лежать становилось все тяжелее. Затекившие мышцы начало ломить, выворачивать суставы. Тут еще «удружил» колючий дождь. Холод пробирал до костей. Бойцы не могли пошевелить пальцами. Снять АК с предохранителя стало невозможным, – окоченевшие пальцы не чувствовали «собачки».

Невероятно хотелось пить. Без воды особенно страдал Малышин, смачивавший губы из чашки с дождевой водой. Как назло, здесь в низине не было даже снега. Марат раздраженно посмотрел на пустую фляжку, которая только мешала, била по бедру. Пустая, она оказалась намного тяжелее полной, но в селе, если повезет, можно раздобыть воду.

Когда вокруг стало все тихо, Марат решил сходить на разведку в село Тишина стояла полная. На улице было пустынно.

– Что за народ. Фонарь бы хоть какой повесили, – выругался про себя Марат, наступив на какой-то предмет. Через несколько секунд поднял его и посветил маленьким карманным фонариком. – Вот сволочи, так это ж граната, слава богу, без взрывателя.

Он вспомнил, как, одуревшие от обилия бесхозного оружия чеченские мальчишки в Грозном шутили в таких случаях: «Ты ее не бойся – она ж ручная».

Остановился около небольшой глиняной мазанки и интуитивно понял, что здесь безопасно. Через несколько секунд Марат негромко постучал в окно. Прошла минута, но никто не отозвался. Простому гражданскому этот дом мог показаться маленьким и убогим сараем. И в самом деле глиняные стены, земляной пол, маленькое окошко почти не пропускает свет.

– Может, я перепутал? – спросил себя Марат.

Но в этот момент в доме послышалось движение, а затем мужской и женский голоса на чеченском. Через мгновение скрипнула дверь, и в темноте показалась мужская голова пожилого мужчины, в руках у него был обрез.

– Здесь живет Мамедов? – тихо спросил Марат.

Прошло полминуты, пока поначалу съжившийся от вопроса чеченец не пришел в себя.

– Да, это я.

– Успокойтесь, мы русские солдаты. Ваш дом указал ваш брат...

– Джахар?! Что с ним? – умоляюще, чуть не плача, произнес чеченец.

– К сожалению, его нет в живых, он убит бандитами, – набравшись сил, выдохнул Марат.

– О, Алла, Алла! – медленно опускаясь на землю у порога, запричитал чеченец.

Не обращая внимания на ночных гостей, к хозяину дома подбежала женщина и запричитала на чеченском – так жалобно и хрипло, что у Марата мурашки по телу пробежали. Ему стало жаль этих людей. Их жизнь в последние годы превратилась в настоящий кошмар. К сожалению, в войне гибнут не только солдаты, но и мирные люди, ни в чем не повинные старики и дети. Зло порождает зло, месть рождает месть.

На секунду успокоившись, вытирая рукавом пиджака глаза, старик на довольно хорошем русском спросил:

– Когда это произошло?

– Сегодня утром.

– Идемте в дом. Холодно на улице...

Зажгли свечу. Окна были надежно занавешены и утеплены всяким тряпьем. Привыкшие к темноте спецназовцы, поначалу с трудом различали предметы. И вот тебе раз – халупа халупой снаружи, хатка была довольно милая внутри. Более того, – это был дворец – настоящее жилье, напоминавшее родину. Кто мог подумать, что после месяцев окопов, ям, крысиных нор в этом предгорном захолустье они увидят привычный, еще советский интерьер с фотокарточками на стенах, с книжной полкой, с недорогими стульями со спинкой.

Марат посмотрел на себя в зеркало и понял, что сам стал похож на бандита: заросший, злой, ненавидящий все и вся. Но минуты расслабленности уходили. Нужно было думать, как добраться к своим, и сможет ли этот старик им помочь. Как бы читая мысли спецназовца, старик произнес:

– Я слышал стрельбу. Молился Аллаху, чтобы война прошла мимо села брата. Предлагал ему: поживи у меня немного. Все-таки у нас большое село. А он отказался. Здесь не все за бандитов, – вздохнул Аслан и закрыл лицо руками... – Жили ведь как люди. И сейчас бы вместе прожили... Сейчас все перевернулось. Стариков перестали уважать. У кого оружие, тот и прав... Брата жалко. Не уберег я его.

В образовавшейся тишине в комнату молча вошла супруга Аслана, принесла чистое белье, тазик с водой, а также овощи и лепешки. Марат спросил у старика:

– Аслан, есть ли в селе бандиты?

– Не знаю, но уши свои они здесь имеют. Ваши солдаты уже давненько здесь не бывали. Слышали, наверное, что у нас здесь произошло. После этого поставили федералы блокпост. Но что толку – солдатики сами разбежались и правильно сделали – нечего им здесь за кого-то погибать. Это ведь политики между собой деньги и нефть поделить не могут. Пока не перебьют друг друга, толку не будет.

– Ваш брат говорил, что вы знаете дорогу в долину. Не могли ли вы быть нашим проводником? – продолжил разговор Марат.

– Лет пять назад смог бы. А сейчас нет – кости свои еле волочу. Да и жена меня не отпустит. Сами понимаете – не переживет она, если я не вернусь. Но я вам все-таки помогу,

расскажу, что делать надо. Во-первых, уходите ночью, то есть – как можно раньше. Идти немного, правда, вы устали. Когда я был помоложе, – с некоторой ностальгией вспомнил старик, – я до райцентра, в котором располагаются ваши части, за девять часов проходил. Если без приключений, за сутки дойдете. Во-вторых, вам не следует идти по главной дороге, там можно нарваться на неприятности. Километрах в пяти за селом полуразрушенный мост – по нему пройти и даже проехать можно. Но не советую – можете нарваться на засаду...

Выйдя на улицу, Марат оглянулся по сторонам и прислушался. Было тихо. Село как будто бы спало. Мягко ступая на землю, он делал остановки и, не заподозрив ничего, шел дальше. Внезапно услышал странные звуки со стороны ожидавших его бойцов, а затем несколько одиночных выстрелов, после которых собаки в селе подняли лай. Приблизившись к краю оврага, он увидел, как группа боевиков пытается Лугова. Малышин лежал на земле без движения. Боевиков было человек восемь. Один из них, видно, командир – вытащил нож и приставил к горлу радиста.

– Я бы тебя как поросенка освежевал, – хрипло произнес главный, с перстнем (это, как понял Марат, означало, что он главарь клана или полевой командир). – Но Аслану обещал передать вас живыми. Слишком много вы у него парней положили. – При этом чеченец сильно ударил Лугова по голове, так что тот упал на землю.

Лугова заставили подняться и выбраться из оврага, тело Малышина один из бандитов взял за ногу и потащил вслед за другими. Марат видел, как они вышли на дорогу, где стоял новенький «мерседес».

– Спокойно, Лугов, спокойно, – тихо, почти про себя, произнес затаившийся за огромным валуном Марат. – Сейчас все будет хорошо.

Когда процессия остановилась и главарь, докуривая сигарету, собирался усаживаться в машину, из темноты прямо ей наперерез выскочил Марат и с криком: «На землю, суки!» – обхватил главаря тонкой бечевкой за горло, с силой осадил его на землю. Несколько секунд боевик пытался оказать сопротивление, но тщетно – натренированные руки спецназовца еще сильнее сжали бечевку на горле.

– Всем выйти из машины, – приказал онемевшим бандитам Марат. – Скажи им, чтобы они выполняли мои команды, – обратился Марат к полковому командиру и еще больше надавил на горло боевика.

– Делайте, что он говорит, – прохрипел чеченец.

По окровавленному горлу было видно, что Марат нешуточно сдавил горло чеченцу.

– Хорошо, теперь бросайте оружие и ложитесь на землю! – потребовал спецназовец. – Лугов, – обратился Марат к товарищу, – собрать оружие и связать эти ублюдков.

– И что дальше?

– Отведи в овраг и поставь растяжку – пусть помучаются, может, свои через недельку помогут, – с нескрываемым злорадством ответил Марат. – А тебе, ублюдок, придется поехать с нами, – придерживая одной рукой полевого командира, произнес Марат. После этого спецназовец сильно ударил прикладом боевика по затылку, так чтобы он не создавал проблем некоторое время, связал его и залепил специальной клейкой лентой рот.

Пока Лугов возился с «чехами», Марат успел уложить окровавленного Малышина на заднее сиденье рядом с потерявшим сознание «чехом». Малышин был еще жив, но синие глаза от крови не открывал, только нервно моргали ресницы.

– Малышин, слышишь меня? – обратился Марат к своему подчиненному. – Все будет хорошо. До заставы рукой подать. Сейчас мы тебя с ветерком прокатим.

Скрипнув колесами, «мерс» на большой скорости промчался через село.

– Слушай, Лугов, – всматриваясь в дорогу, заметил Марат. – Через пару километров будет мост. Машину оставим там. Дальше пешком.

Десять минут ехали молча. Марат посматривал на Малышина, который как-то неестественно откнулся на заднем сиденье.

«Бедолага, – подумал Марат, – слишком много крови потерял».

– Ты можешь быстрее? – обратился Марат к Лугову.

– Не могу, товарищ старший лейтенант, дорога скользкая.

– Вон, смотри, – мост!

– Вижу, только там, у моста какой-то блокпост.

– Старик мне ничего не говорил.

– Это засада, товарищ старший лейтенант, – чуть ли не по слогам выговаривая слова, доложил Лугов. – Притормозим?

– Сбавь обороты, – приказал Марат.

Это и в самом деле был блокпост – стандартный шлагбаум по всем правилам полевого поста – мешки, оборудованные землянки. На дорогу выскочили несколько солдат в камуфляже российских пехотинцев.

– Вроде свои, товарищ старший лейтенант, – обрадовался Лугов.

Марат ничего не ответил, но только вздернул затвор автомата. И тут сзади прохрипел связанный бандит.

– Тебе чего? – развернулся к нему Марат.

Чеченец при этом еще сильнее захрипел. Тогда Марат вытащил у него кляп и наставил на него дуло автомата:

– Говори, собака, иначе отправишься к предкам!

– Это не федералы.

– А кто?

– Это боевики Яндарбиева. Они со всеми воюют. Но и у нас с ними соглашение. Они не лезут на мою территорию. Я не вмешиваюсь в их дела. Но федералов они тоже не любят.

– Короче, Склифасовский, – рывкнул Марат.

– Без меня вам не проехать. Здесь их человек пятнадцать. А если повернете обратно – сделают из вас консервную банку... Договариваться надо, командир, – с улыбкой ответил чеченец.

– Что ты им скажешь? – неуверенно спросил Марат.

– Скажу, что свои, едут дальше, а ты меня здесь высадишь. Времени у вас будет достаточно, чтобы успеть удрать отсюда.

Машина медленно подъехала к посту. К автомобилю подошли двое. В темноте было трудно разглядеть их лица. Еще двое метрах в двадцати от поста спокойно жарили шашлыки на мангале.

«Нет, – подумал Марат, – свои так себя спокойно не вели бы. Да и машину они, кажется, знают».

– Эй! – крикнул в открывающееся автоматически стекло связанный боевик. – Здесь свои, поговорить надо.

– А, это ты, Ашот? – вяло прореагировал один из встречавших на русском языке. – Куда направляешься?

– В Шатой.

– А кто с тобой в машине?

– А, это свои.

– Там же федералы.

– Ты же знаешь, для меня это не проблема.

– Ох и рисковый ты, Ашот. Свернут тебе башку. Непокорно там. Русские совсем озверели, не откупишься, – пошутил незнакомец.

В этот момент спецназовцы в машине сидели тихо, мысленно подготовившись к худшему. Марат правую руку держал на чеке гранаты, готовясь бросить прямо в блокпост. Несмотря на опасность, его сильно сморило от усталости в теплой машине. Казалось, что это все какой-то сказочный сон. Как вдруг неожиданно для спецназовцев, связанный чеченский командир с криком «мочи федералов» попытался открыть дверцу автомобиля.

Боевики на посту секунды три находились в полном оцепенении. В этот момент Лугов ударил по газам, и «мерс» рванул в сторону шлагбаума. Связанный Ашот вывалился с заднего сиденья и что-то, матерясь на чеченском, кричал вслед. Началась дикая стрельба вслед уходящей машине. Когда она набрала приличную скорость и казалось, что спецназовцы оторвались от преследователей, раздался резкий хлопок и сидящие в машине ощутили мощный удар в кузов. На всей скорости машину развернуло, и она вылетела прямо на железный бордюр ветхого моста, так, что Марат успел заметить как передок машины начал крениться в пропасть, туда где шумела горная река.

– Все, нам кранты! – успел прокричать Лугов. – Нам не уйти!

Через правую переднюю дверь Марат выбраться смог с трудом, какая-то железная балка прочно зажала дверь.

– Давай руку, черт тебя подери! – закричал Марат, протянув ладонь радисту. Но это были последние его слова своему подчиненному. Машина со страшным скрежетом и треском начала медленно, как в кино, падать в пропасть.

В этот момент Марат успел ухватиться за балку моста, но и та не выдержала веса спецназовца, и он ощутил, как падает...

Очнувшись через какое-то время, Марат ощутил, что лежит на берегу реки, его, видимо, вынесло течением. Было ужасно холодно, неизвестно, сколько он пролежал здесь, но пошевелить руками и ногами было трудно – конечности здорово замерзли.

«Где мои товарищи?» – первая мысль врезалась в мозг. Марат попытался приподняться, но ощутил сильную боль в правой ноге, болела спина, – вероятнее всего, при падении он сильно ушибся, если не переломал себе чего-нибудь. Собрав все силы и взяв в руки какую-то корягу, он приподнялся и огляделся. Было очень темно, но, кроме реки и скал, он ничего не видел. За спиной еле угадывался лес. Насколько он далеко от места падения? Не устроили ли боевики погони? Если течение несет вправо, значит – нужно возвратиться обратно. Марату не верилось, что его бойцы погибли. Марат верил, что им повезло, так же, как и ему.

Целый час, ковыляя, он двигался в обратном направлении течению, к тому злополучному мосту. Страх не было. Было желание увидеть своих братишек живыми. «Лугов-то совсем молоденький, а Малышину я пообещал, что доставлю его на базу», – думал Марат.

Вскоре он услышал, какую-то возню за очередным поворотом горной реки. Прислушался – разговор на чеченском. Присмотрелся – ничего не видно. Попытался медленно приблизиться, но боль в ноге не давала возможности преодолеть огромный валун, который лежал на его пути... Опять тишина. «Что они, сквозь землю провалились?» – подумал Марат. В этот момент сердце командира забилось еще сильнее – он увидел несколько фигур на берегу. Кто-то из них пытался зажечь факел, что не получалось сделать из-за сильного ветра. Когда стоявший ближе всего к укрывшемуся за огромным камнем спецназовцу незнакомец разжег намотанную паклю на палку и огонь на несколько мгновений осветил территорию, Марат увидел, как пять боевиков окружили два тела.

«Сволочи», – ослепила сознание Марата мысль, что эти звери уже успели поглумиться над телами его товарищей.

– Аслан, та покинь ты их, пишлы вжэ!.. – донеслось до него.

«Ах ты, сука хохольская, над братишками-славянами надругался, а теперь “пишлы”, – не выдержал и вполголоса, скрипя зубами, проговорил Марат. – Ну, погоди у меня!»

Раздались две длинные очереди, по ком били, он уже не видел, почувствовал, что пули второй очереди простучали по камням в нескольких метрах от него... Марат еле сдержался, чтобы не вскочить и не впиться стрелявшему в горло. Но броситься на «чехов» не было возможности: при спецназовце был только нож. Он понял, что стреляли просто так, на всякий случай.

Голоса были слышны еще час-два, потом все стихло. Через пять минут Марат вылез из своего укрытия, приблизился к этому месту – и не выдержал, лег рядом с погибшими товарищами. Лежал так минут пять, – в голове была полная пустота. Мысли барабанной дробью били в голову – это я виноват в их смерти! Потом Марат нашел у своих жетоны, документы. На войне это необходимо, хотя бы чтоб доказать тыловым сукам, что братишки не дезертировали и не сдались...

Когда Марат дошел до леса, который начинался в ста метрах от реки, то понял, что это совсем не лес – подлесок, реденькие кривые от ветров сосны. А за этим хоть каким-то укрытием – поселок. И все-таки что это за село и кого здесь ожидать? В окровавленном камуфляже выходить на дорогу и искать приключений не стоит. Схватить попутку? А может, боевики подняли весь район? Марат вспомнил, что Ашот говорил, что эту зону контролирует банда, которая не подчиняется ни дудаевцам, ни федералам. Рассчитывать было не на что, да и оружие было утеряно. Если не по дороге, тогда лучше идти по пойме реки – это дорога к Шатою. Правда, река просматривается с дороги, но лучшего варианта нет. В этот момент Марат почувствовал, как нестерпимо хочет пить – все-таки третьи сутки без сна и пищи. Утолив жажду, он потянулся вдоль реки, – идти по крутым берегам было невозможно, поэтому спецназовцу приходилось не раз пересекать дорогу.

И все-таки на свете есть Бог. Бог для всех православных, заступник. Он шел и не понимал, куда идет, проговаривая про себя то ли простые слова, то ли молитву. Когда казалось, что силы совсем его покинули – нога давала о себе знать, услышал, как наверху, на дороге притормозила машина. Судя по звукам – обычный армейский уазик. Нетрудно было угадать, что из нее, громко хлопнув дверью, вышел один человек. Секунд десять Марат не мог найти точку просмотра дороги, а когда нашел поваленное дерево, несмотря на дикую боль, вскарабкался на него и, держась за сучья, стал наблюдать. У забрызганного грязью уазика суетился невысокий, молодой чеченец. В машине был еще кто-то. На голове у боевика была зеленая повязка – значит, религиозный фанатик – такие были наиболее опасны и непримиримы. Такие в случае крайней опасности могли взорвать себя и окруживших его солдат или в крайнем случае пустить себе пулю в лоб. Чеченец отряхнулся, покрутил бычьей шеей и снял с себя автомат. Положил у машины. «Явно не профессионал», – подумал Марат. Вкарабкавшись в кабину, как разъяренный бык, чеченец стал наносить хлесткие удары, после чего из салона послышался женский крик, крик о помощи. Когда боевик замахнулся для очередного удара, бормоча что-то на чеченском, Марат по-кошачьи приблизился и ссадил его с кресла. Боевик упал и потянулся к автомату, но был пригвожден к земле сильным ударом приклада. Вскрабкавшись в салон, Марат увидел перед собой связанную женщину. Лицо ее было обезображено побоями.

– Успокойся, – ласково произнес Марат. – Я свой, русский. Тебя как звать?

Несколько минут, пока Марат освобождал веревки, туго стянувшие женские запястья, пленница угрюмо молчала. Потом тихо произнесла:

– Ниной меня зовут. Эти ублюдки убили мою мать, за то, что отец у меня русский.

– Ничего, Нина, скоро кошмары закончатся. Верь мне.

Марат взял чеченца, оттащил с дороги. В карманах у фанатика нашел какие-то документы на арабском языке. В машине Марат нашел полный «джентльменский» набор шахида

– наркотики, взрывные устройства, вещи. Сколько бы этот ублюдок мог жизнью людских положить – одному Богу известно.

– Нина, ты знаешь, где находятся наши части?

– Знаю, до Шатоя рукой подать. Километра два. Там блокпост.

Спустившись с горы, машина на большой скорости вышла на проезжую дорогу и чуть не врезалась прямо в колонну бэтээров.

– Остановите, – прокричала попутчица Марата.

И когда он притормозил, забыв обо всем, Нина выбежала из машины, рыдая: «Мы свои, свои, русские!...»

Очнулся Марат в полевом медсанбате, находящемся при его роте. Он даже удивился этой белоснежной чистоте, белью. Это была какая-то другая жизнь – не война. За окном было солнце. «Вот и весна», – подумалось Марату. Солнечный зайчик бегал по палате. За дверью слышались веселые голоса сестричек.

Марат машинально сунул руку под подушку – оружия не было, зато в руке обнаружилась игла с трубочкой, ведущей к капельнице. Несколько минут он размышлял над тем, что произошло с ним за последнее время. Вспомнив о потере товарищей, скрипнул зубами. Но он сдержал себя. Что толку от самоедства. Ведь за все должен кто-то ответить. У Марата был еще долг перед боевыми товарищами, перед памятью, перед их матерями.

«Что ж, пора, хватит отлеживаться», – решил Марат и, преодолевая боль (нога еще сильно болела), поднялся с кровати и закашлялся, давась мокротой.

– Вам нельзя, товарищ старший лейтенант, – попыталась остановить Марата стоявшая неподалеку медсестра...

– Послушай, сестричка, вы не знаете, где старший лейтенант Смирнов?

– Нет, не знаю. Но вам нужен покой, вы же сколько дней в бреду! У вас же воспаление легких открылось тяжелое, а еще ранение... – Переполошенная медсестра начала укладывать его на постель. – Не успели очнуться – и на ноги вскочили.

– Не волнуйся, сестричка, я выйду подышу маленько, – остановил ее Марат, удивляясь про себя и прикидывая, сколько же дней он уже валяется.

– Вам нельзя вставать! Вы же качаетесь от слабости.

– Позаботься лучше о нем, – Марат кивнул в сторону лежащего рядом раненого бойца, которого и не видно было под сплошными бинтами...

– Я умоляю вас, – чуть не плача, ответила сестра и добавила, что это приказ начальника медслужбы...

Марат мягко отодвинул ее в сторону и направился к двери.

– Я вынуждена буду доложить, – не унималась девушка.

Но Марат не слышал ее.

Солнце ударило в глаза. Он немного поморщился, остановился на миг от накотившей слабости и головокружения. Нагнулся, взял в руки снежок, умылся им, постоял немножко и поковылял к командирской палатке.

Было необычайно тихо. У входа в штаб Марата встретил сонный адъютант Головачева – Сомов.

– Слушай, Сом, командир у себя?

– Никак нет, – бодро ответил, выбросил сигарету. – Вызвали куда-то. Есть Губаренко, но он не в духе.

– А мне насрать, в духе он или нет.

– Я не советую тебе этого делать, Марат, – начал уговаривать уже зашедшего в палатку Сом. – Я все понимаю, но...

– Что «но»? – язвительно, переспросил Марат.

Сом, посмотрев в глаза Марату, не решился ответить, отвернулся и достал из пачки новую сигарету. Марат еще несколько секунд смотрел на штабного работника, а потом, резко развернувшись, направился прямо к Губаренко. Полковник разговаривал по телефону. Ворот у него был расстегнут. На столе пепельница доверху набитая окурками, в углу стояла недопитая бутылка какого-то импортного пойла. Губаренко заметил вошедшего Марата, но разговаривать по телефону не перестал, как бы не замечая его. Несколько минут Марат был вынужден ожидать, выслушивая грозные указания полковника каким-то подчиненным. Когда полковник закончил, несколько секунд никто не решался сказать ни слова.

Сглатывая слюну и злость, начал Марат:

– Кто отдал этот дурацкий приказ?

– А ты что, старлей, на отдых сюда приехал? – попытался съехидничать Губаренко.

– Почему не вызвали вертолет? – не испугался угроз Марат.

– Не было вертушки, понимаешь, не было! – почти по слогам, исходя от ярости, ответил полковник.

– А за ребят кто ответит?

– Ты и ответишь, если такой умный, – встал из-за стола Губаренко.

Было видно, что начальник ждал этого разговора, но слова у него путались, и от этого он приходил в ярость.

– Мне уже из Москвы целый день тарабанят, как это так получилось, что наши раскрутые профессионалы в засаду попали, а командир выжил.

– Ребята погибли героически. Я вынес из боя документы ребят, – с горечью ответил Марат. – Могу указать квадрат, где произошел бой...

– А кто, старлей, кроме меня, тебе поверит?

Марат не знал, что ответить на эту реплику. Она звучала угрожающе. Но Марат понял, что сдаваться не стоит, а повиниться перед Богом и ребятами он всегда успеет. Поэтому, набрав силы, спецназовец спросил у Губаренко:

– Что случилось с группой Смирнова?

– Твою мать, – покраснев от злости, рыкнул полковник, – я в армии тридцать лет, старлей. Ты еще щенок... Отслужи свое. Вот что... – При этих словах он жестами показал, что не желает больше разговаривать. – Убирайся! – заикаясь и трясаясь от злости, закончил разговор полковник. – А мы еще проверим: не снюхался ли ты с бандитами или не сам ли положил своих?

– Проверяй, проверяй! – ответил Марат и по-армейски развернувшись, несмотря на боль в ноге, вышел из помещения.

В тот момент Марат с трудом сдержался. Горький комок подступил к горлу. Свежий морозный воздух ударил ему в лицо. Марат поймал себя на мысли, что запах у него какой-то горьковатый. «Скоро весна», – подумалось ему. Весна в Чечне ранняя, совсем не такая, как в России. А солнце здесь ослепительно-яркое, даже зимой. Для спецназовцев – это не имело значения и не означало неминуемый дембель, как у обычных солдат, но говорило о надежде на то, что эта проклятая бойня скоро закончится и все вернуться по домам.

Оставался еще один невыясненный вопрос – что случилось с группой Смирнова. Ни его, ни его подчиненных не было. Об этом мог знать начальник медицинской части специальной роты. Жаль, сменился майор Гераськин, отозвали в Москву. С ним и поговорить было приятно. Его полевой домик теперь занимал капитан Слонов. Внешний вид соответствовал его фамилии. Кроме того, он был тучным, брезгливым и чванливым. В части его никто не любил. Приблизившись к его палатке, Марат услышал внутри женский смех. Слонов был женат, но женского общества на войне не чурался. Марат постучался. Неожиданно смех и слова внутри стихли, и через минуту в дверях показался тучный Слонов.

– Чего тебе? – недовольно спросил запыхавшийся и вспотевший начальник медчасти. – Когда ты уже утомонишься, почему не соблюдаешь режим? – начал наезжать начмед. – На тебя жалуются мои подчиненные.

– Мне насрать на тебя и твоих подчиненных, – резко ответил Марат. – Ответь, что случилось с группой Смирнова.

– Не знаю, Марат, – сухо отрезал Слонов и всем видом показал, что разговор закончен.

– Нет уж, – Марат взял за ворот кителя Слона так, что вылетела верхняя незастегнутая пуговица, – ты мне ответишь на этот вопрос!

– Ты, чего, Суворов, рехнулся, под трибунал захотел? – начал угрожать ему Слон. – Так я это тебе устрою, псих!

– Я тебя закопаю раньше, – при этом Марат так тряхнул тяжеловесного начмеда, что тот в мгновение обмяк как тюфяк.

– Хорошо Марат, успокойся, – как ребенок завопил Слон. – Был здесь Смирнов, но мне даже не разрешили к нему приблизиться. Его сразу Шеин схватил к себе, а потом приехала группа медиков из Москвы. Так что, судя по всему, его повезли в столицу.

– Что он, был тяжело ранен?

– Ей-богу, не знаю, Марат. Мне даже не дали его осмотреть. Как только он прибыл к нам, на него сразу же накинута Шеин, потом погрузили на носилках на вертолет, и все, больше я ничего не знаю... Правда, еще был один момент, кто-то из присутствующих медиков сказал, что Смирнов чуть ли не тронулся умом, что состояние у него такое, как будто у него башку снесло.

– А что с его ребятами? – отпуская Слона, спросил Марат.

– Не знаю, никто с ним не вернулся.

– Как?! – не поверил Марат.

Слон потупил глаза, махнул рукой и произнес:

– Извини, Марат, – это все, что я знаю. Только прошу тебя: этот разговор между нами. Я чувствую, что в неразглашении этого заинтересованы большие шишки из Москвы. Кстати, когда доставили Смирнова, к нему приходил еще и Губаренко. Он выгнал всех из медперсонала и позвал Шеина. Он же мне пригрозил, что если я проболтаюсь, в лучшем случае срок буду мотать. В этот день он отправил нашего полкана в Грозный и несколько дней всем здесь распорядился. Шухеру навел!..

В родном отряде Марата завелся обычай, кто-то соорудил памятник из речного булыжника – разведчики сложили небольшую пирамидку, напоминающую древнюю сторожевую башню. На солдатской каске, лежащей на памятнике, отражаются багровые отблески пламени. Тыловые умельцы сделали из стали звезду и, подведя газ, зажгли Вечный огонь. Марат увидел, как группа вернувшихся с боевой задачи разведчиков положила к памятнику двенадцать ландышей – ровно по числу бойцов его группы. Ребята нашли их в горах, где на южных склонах уже появились первые весенние цветы...

Глава 2. Двойная интрига

Марат очнулся от воспоминаний.

– Все! Сеанс закончен, – сказал он вслух и принялся готовить немудреный холостяцкий завтрак из яичницы с грудинкой. – Что было, то кануло... будь оно неладно!

После двух кампаний в Чечне в составе спецподразделения «Ноль» и нескольких историй, в которые Марат Суворов ввязался уже вполне самостоятельно, не зная, куда деться на гражданке, – в Долохове для него наступило сравнительно тихое время. Устроившись на знакомую и «непыльную» работу в службе безопасности филиала московского «Дельфабанка» Андрея Федорцова, он обустроился и, казалось, притих. Жизнь вошла в русло, к тому же Марат быстро выдвинулся, – сказывалась выучка, опыт и спокойная уверенность, с которой он вел себя на службе. Правда, не успел он занять пост начальника охраны, как в городке развернулись события, эхо которых прокатилось тогда по всей стране. Федорцов выставил тогда свою кандидатуру на пост мэра – и началось! Схлестнуться тогда пришлось и с уголовщиной, и с ФСБ, и с местными властями. Однако справились. Федорцов сейчас – мэр и крупный бизнесмен. Теперь Марат и видит-то его только иногда...

Об этом Марат думал, уже в спешке доедая свой завтрак из одного блюда. За всей этой ночной «лирикой» можно и на работу прийти впритык. А такого за ним еще не случалось. Марат принялся одеваться со скоростью вышколенного «духа»... но мысли крутились своим чередом.

Была еще недавняя «парижская» история, когда Федорцов попал в неслабый переплет с украинскими авиакомпаниями, которые после «оранжевой революции» спешно заматали следы, вывозили капиталы, а заодно устраняли бывших партнеров... Но и эта передрыга в конечном результате пошла только на пользу большому бизнесу шефа, перспективам городка и самому Марату. Он пожал плечами и хмыкнул, припомнив способы ведения дел международными корпорациями – не лучше, по сути, чем у полевых командиров-«чехов». Но все-таки не война в горных ущельях, от которой «на память» остались несколько пулевых шрамов на теле, возвращающиеся кошмары, седая голова и кличка соответствующая – Седой.

Марат как раз вспоминал аварийную посадку на самолете, в котором подлец-партнер из Киева установил химическую бомбу, – и сравнивал в уме, насколько эта ситуация была «лучше», к примеру, фугаса и засады на дороге в Толстой-Юрт... как вдруг зазвонил телефон.

– Доброе утро, Марат, – услышался знакомый голос. – Не разбудил?

– Легки на вспомин, Андрей Павлович, – отозвался Седой. – Я как раз собираюсь на службу...

– Интересно, что именно вспоминал? – спросил Федорцов.

– Бомбу в самолете, – признался Суворов. – Вы не за тем же самым? – Звонок от Федорцова в это время был событием экстраординарным и сулил неожиданности.

Тот хмыкнул:

– Надеюсь, что нет. Но ты на службу не торопись, соберись в дорогу, а через часок мы за тобой заедем.

– Куда на этот раз?

– В столицу.

Марат перебрал знакомые варианты:

– Киев? Париж? Москва?

– Успел соскучиться по Плац Пигаль? На этот раз – всего лишь в Москву, но возможно продолжение поездки в сторону Баку, – проинформировал шеф.

– Хорошо, – спокойно согласился с маршрутом Марат. – Но вы меня заберите из банка, я там проинструктирую ребят на время моего отсутствия. А собираться... Голому собраться – только подпоясаться. Возьму тревожный чемоданчик – и в путь...

Час спустя Суворов удобно устроился на заднем сиденье просторного салона новенького «лендкрузера» вместе со своим шефом, бросив привет старому приятелю Володе Виноградову, который вел машину. Федорцов перебирал деловые бумаги, разложенные на крышке кейса.

– Извини, Марат, что сорвал тебя без предупреждения, – сказал он в качестве приветствия. – Может быть, планы нарушил? Как вообще у тебя дела?

Марат провел рукой по короткому ежику седых волос:

– Да какие там планы, Андрей Павлович, смешно сказать, если мерить по вашим размахам. Отделяем гостиничку – «Теремок» наш многострадальный. Пылимся там все свободное время, чтоб деньги сэкономить на рабочих. Так что мне эта поездка вроде отпуска, – Суворов сказал так не без умысла и глянул на начальника с оттенком вопроса. – Или нет?

Федорцов понимающе усмехнулся:

– Не к добру бывают мои вызовы, да?

– Ну почему, обычно – к деньгам, – дипломатично ответил Суворов. – Правда, не очень легким.

Федорцов даже рассмеялся, посмотрев на выражение лица Марата:

– Нет, Седой, на этот раз не должно быть ничего такого. Официальные – точнее, полуофициальные – переговоры по нефтяным делам. Вот и все.

– Тогда пару «бэтров» надо было прихватить и по взводу спецназа: один – мне, другой – Бобу, – резонно заметил Седой.

Федорцов намек понял и объяснил:

– Боб в Киеве застрял на авиазаводе, потому я тебя и позвал.

Боб – Богуслав Кочаров – был личным помощником, телохранителем, нянкой и доверенным во всех делах мэра и крупного предпринимателя Андрея Павловича Федорцова. Привлечение Марата к делам могло означать или отсутствие Боба, или особую сложность задания.

– Как там дела? – спросил Суворов.

Шеф pokrивился:

– Если одним словом сказать – передел, а если другим – беспредел. Так что я Боба оставил руку держать на пульсе у «оранжевых» хозяев – там надо владеть полной оперативной обстановкой. Вот, а тебя прошу подменить его – на короткое время.

Марат тут же попытался расставить точки над «i»:

– Что входит в мою задачу?

– Пока ничего конкретного. Понимаешь, дело это для нас малознакомое. Какие у нас вопросы с нефтью были? Для своего региона поставляем, кое-что братьям-хохлам стали подкидывать в последний год, – у них сейчас большой кризис... Но наш поставщик подбивает меня поучаствовать в серьезном деле, вот и едем присмотреться к обстановке...

Марат, спросив разрешения, раскурил свой ядреный «Спецназ» – вкусы его так и не изменялись за последнее десятилетие. Федорцов продолжил совсем обычным тоном:

– Да черт его знает, Седой, что там получится. Такая каша началась с нефтью... Сам понимаешь, во всем мире цены летят под самое небо – и вряд ли скоро останутся. А в Баку готовятся запустить большой нефтепровод – через Грузию на Турцию. У моего поставщика наметился там интерес, зовет в долю. С другой стороны, украинские партнеры «аж пиццать» – так хочется куда-нибудь присосаться... Сижу вот, изучаю документы по нефте-

проводу Баку – Тбилиси – Джей-хан, – показал на бумаги шеф. – Так что, не ровен час, полетим и в Закавказье...

Марату оставалось резонно заметить, мол, «наступать – бежать, отступать – бежать», лишь бы суточные шли. За приоткрытым апрельскому воздуху тонированным окошком разматывалось многорядное шоссе, делаясь по мере приближения к Москве все более ухоженным – сказывалась разница в финансировании столицы и региона. Движение стало плотнее, пошли дальние пригороды мегаполиса, робко зеленея запоздавшей весной.

Утренние настроения отпустили его, сон понемногу стирался из памяти, хотя перспективы снова повидать Кавказ – пусть не Северный, а Южный – энтузиазма не вызывали. «Может, и неплохо развеемся, а то засиделся в тихом Долохове да и икры с балычком давно не пробовал на фуршетах...» – подумал он лениво и устроился поудобнее на кожаных подушках.

– Икрой хоть угостят твои поставщики? – равнодушно спросил он.

– Наверное, каспийской, – предположил Федорцов, – а вместо масла прямо на нефть намажут...

– И морской водой запьем? – подал голос водитель Володя.

Федорцов усмехнулся и прекратил хиханьки:

– Ладно, ребята, мне надо до Москвы целый талмуд перевероршить с цифрами, а то в тринадцать часов встреча, а я еще ни в зуб ногой по шельфовым разработкам...

Володя высадил Федорцова и Суворова у крыльца внушительного особняка, где было назначено совещание, передал в руки obsługi с военной выправкой, а сам уехал устраиваться в гостинице.

– Господин Смирнов ожидает вас, – секьюрити повели их наверх в гостиную, где должна была встретиться группа заинтересованных лиц. Впрочем, до зала они не дошли, в коридоре их встретили двое мужчин с чертами фамильного сходства – оба ухоженные, худощавые, рослые, с тонкими чертами лица. Трудно было определить с первого взгляда – братья с большой разницей в возрасте или отец с сыном. Старший сдержанно улыбнулся и представил гостям второго.

– Знакомьтесь, мой сын Сергей, а по совместительству – экс-президент и наследник.

– Очень рад, Петр Петрович, – пожимал обоим руки Федорцов. – Все уже готово к «мытищенскому сговору разбойников»? Мы не опоздали?

Младший с готовностью улыбнулся на шутку, старший только повел бровью, вежливо реагируя.

– Я с умыслом пригласил вас пораньше, чтобы успеть кое-что обсудить за ланчем. Пойдемте в малую столовую, там уже накрыто. У меня замечательный каспийский балычок есть, вчера привезенный...

Марат, пока его также представляли, краем сознания хмыкнул на эту фразу, представив соусницу с сырой нефтью, однако все его внимание было приковано к младшему партнеру – Сергею. Тот приветливо улыбался, хотя глаз его внимательно скользнул по седой стрижке и выдающимся скулам гостя.

Возле стола, сервированного по-ресторанному, стоял навытяжку официант. Заметив удивление Суворова, Петр Петрович развеял его недоумение:

– Не обессудьте, молодой человек, я, видите ли, многие годы служил по дипломатическому ведомству, так что завел себе такие церемонные обычаи. Поскольку средства наши позволяют, то не вижу смысла от них отказываться, да и новые русские партнеры ведут скромнее за приличным столом. Ведь они по большей части переговоры ведут в саунах с девицами. Туда я предпочитаю отправлять сына. Он, видите ли, бывший строевой офицер, привык к более развязному стилю общения...

Сергей подхватил его речь, перебивая:

– Папа, наш гость в курсе. Мы служили вместе...

– Приятная неожиданность, – среагировал Федорцов, то ли разыгрывая изумление, то ли удивляясь на самом деле. Зная своего шефа, Марат мало верил в подобные случайности – приехать на переговоры и столкнуться с однополчанином.

Сергей продолжил:

– Так что – пока ты будешь вводить господина Федорцова в курс дела – мы лучше пойдем в курилку, возобновим старое знакомство. – Он повернулся к официанту: – Принеси нам кофе и бутерброды. Может, и рюмочку, Седой? – Широко улыбнулся он.

– Это лучше в сауне, с девочками, – ответил Марат, не торопясь бросаться в объятия. – Я не нужен на переговорах? – справился он у шефа.

– Даже помешаешь, – махнул рукой Федорцов, и молодые люди удалились, чтобы предаться армейским воспоминаниям.

Бизнесмены сели напротив друг друга, официант – так и хотелось назвать его на старый манер «человек» или даже «челаэк» – сунулся было услуживать, но старший Смирнов его отослал.

– Покушайте, Андрей Павлович, – попотчевал гостя Петр Петрович, – у нас еще сорок минут в запасе.

– С удовольствием, а то при наших делах поесть в спокойной обстановке удастся не каждый день, – принялся за дело Федорцов. – Однако уши у меня свободны – я постараюсь, чтобы за ними не трещало. Так что вы уж меня посвятите в свои планы. Я, признаться, совершенно не понимаю, как можно прислониться к этой кормушке. Да и зачем? Есть несколько других проектов, не менее интересных.

Намазывая гусиным паштетом бутерброд, Петр Петрович благожелательно кивал:

– Министр вчера озвучил цифру «двенадцать», – уточнил он, – двенадцать альтернативных проектов, которые рассматриваются в правительстве Российской Федерации. Вот вы, Андрей Павлович, занимаетесь гражданской авиацией...

– Авиакосмическими материалами, – в свою очередь, уточнил Федорцов, – и не только для гражданских самолетов.

– Но все равно, вы в курсе возможностей отечественных авиазаводов. Сколько мы построили лайнеров в прошлом году?

– Двенадцать, – услышал он ответ.

– А «Боинг»?

– Триста семьдесят... Поэтому я и занимаюсь альтернативными проектами, в том числе и с Украиной.

– Вот вам и ясная картина. Пока мы пытаемся найти альтернативу подешевле, так сказать, несимметричный ответ, они «грубо и зримо» вложили в трассу четыре миллиарда. Поэтому БТД – нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан – привыкайте называть его коротко – будет благополучно работать.

– Если его не взорвут...

Петр Петрович поморщился:

– Этот вопрос пусть обсуждают журналисты и прочие террористы. Я знаю, что в Чечне обе стороны берегли трубу, иначе пропал бы экономический смысл войны. Эту темную карту – по своему дипломатическому опыту – я считаю блефом. Кроме того, вложив столько денег, British Petroleum и остальные не посягнут на охранные мероприятия на всех уровнях.

– Вы имеете в виду «оранжевые революции»?

– И это тоже. Но вы несколько однобоко глядите на политику нефтяных гигантов. Они предпочитают откупаться – это значительно дешевле.

Федорцов наконец догадался, что старый дипломат неслучайно пригласил его к предварительному разговору за накрытый яствами стол. Это был тонкий намек на то, чтобы гость занял свой рот замечательными блюдами и не мешал лекции хозяина. Поэтому он налег на сига, запеченного в пергаменте, которого только что принес «челаэк», предоставив Смирнову-старшему свободно излагать свои мысли.

– Однако у консорциума возникли проблемы с заполнением, так сказать, «трубы». Дело в том, что в 1994 году, когда затевали этот проект, предполагалось, что месторождения Азери – Чираг – Гюнешли смогут дать все необходимые 50 миллионов тонн нефти в год. Но «большая нефть» не пошла, они все еще не дотягивают и до десяти...

Федорцов, который был уже знаком с этими цифрами, не отвлекаясь от еды, утвердительно кивал собеседнику.

– Они добывают полторы сотни баррелей в день на Чираге, пытаются запустить добычу на Азери, но глубоководные вышки Гюнешли стоят и будут пока стоять. А там львиная доля из десяти миллиардов тонн этого «черного золота» Баку!..

Федорцов отметил про себя, что Смирнов-старший произнес эту цифру с запалом истинного миллиардера – хотя бы будущего. Он сочувственно хмыкнул и спросил:

– Как же они собираются запускать трубу в конце мая?

– В середине июня, по последним сведениям, – поправил Смирнов. – Они хотят пустить туда казахстанскую нефть.

– А Россия позволит?

– Вы снова слишком узкополитически смотрите на вопросы, – ответил дипломат.

– «Политика – это сконцентрированная экономика?» – процитировал Федорцов. – Простое я недостаточно владею вопросом. Я нашел две цифры: стоимость прокачки нефти на нашей трубе Баку – Новороссийск – 16,63 доллара за тонну, а в строящемся ВТК – порядка полутора «баксов» за баррель. Я смотрел эти выкладки в машине, поэтому не успел узнать плотность бакинской нефти и пересчитать цены с баррелей на тонны. Так что просветите, пожалуйста, – язык цифр был для него так же интересен, как рассуждения о прелестях дам для Казановы.

– Меньше ноль-семи! – воскликнул Смирнов. – Эта нефть лучше, чем знаменитый сорт «бренд». Не трудитесь считать в голове. В тонне приблизительно девять баррелей. Только эта разница в ценах на прокачку позволит им экономить не меньше двухсот миллионов в год. Так что казахи отдадут свою нефть в более дешевую трубу, у правительства России нет для них лишних ста «лимонов».

Федорцов вытер губы и пальцы накрахмаленной салфеткой и, приступая к кофе, спросил о главном:

– Я видел предполагаемые выкладки рентабельности. Они рассчитывают на двенадцать с половиной процентов годовых. Я понимаю, что это сумма в полмиллиарда. Каким же образом мы можем присоединиться к дележу этого замечательного пирога? У «Лукойла» в свое время были десять процентов, но они продали их японцам. А что у нас?

Пожилой дипломат лукаво улыбнулся:

– Что бы вы сказали о шести замороженных вышках в секторе Гюнешли?..

Пока старшее поколение увлеченно и последовательно разбирало цифры со многими нулями и юридические закорючки, которые составляли суть их жизни, двое одноклассников – Марат Суворов и Сергей Смирнов – уединились в курительной комнате. Им быстро доставили серебряный кофейник и блюдо с бутербродами. Сергей Петрович открыл табачницу со многими отделениями:

– Сигару, табак? Отец в Голландии привык к сортовому табаку, очень рекомендую, Марат... – и рассмеялся, когда тот вынул из кармана и протянул ему открытую пачку до боли

знакомому «Десанта». – Вот это я понимаю – привычка! Давай! Хотя, если помнишь, я и тогда предпочитал что-нибудь более «цивильное» – «Верблюда», к примеру.

Они мигом наполнили комнату клубами «выхлопных газов» от солдатских сигарет.

– Окунаюсь в привычную атмосферу, – закашлялся Сергей. – Давай уж тогда и по сто грамм... – Он нажал на кнопку вызова и отдал распоряжение принести водки и две стопки.

Все было немедленно доставлено, Марат, который до сих пор молчал, подумал про себя, что если бы они заказали разведенного спирта, как у себя в лагере, то официант, наверное, и с этим бы справился не моргнув глазом. Небось нашел бы по-быстрому в аптечке и развел.

Сергей налил стаканчики:

– За встречу...

Марат ответил:

– За тех, кто вернулся.

Перевернув стопки, они, не закусывая, молча подымили. Перед глазами у обоих снова мелькали сцены чеченской кампании. Марат налил по второй, традиционной:

– За тех, кто не вернулся...

Они сдвинули стаканы, чокаясь, но без звона – костяшками пальцев – так было принято там.

– Мне передали, что ты умер. Тяжелая контузия, воспаление мозговой оболочки, еще какая-то хрень, – сказал Марат.

Побледневший и посерьезневший Сергей вымученно улыбнулся:

– Как видишь, я жив и здоров. Из армии списали тогда подчистую, но удалось выжить, подняться, стать на ноги... Вот ведь как пересеклись! – на щеках уже проступал румянец от выпитого. – Я слышал, тебе тоже досталось?

Пришла очередь нахмуриться Марату:

– Не без этого. Группу «Ноль» позже восстановили, снова ходили на операции, снова всех перемололо. Долгая история...

– В каком ты звании? Я, наверное, отстал по службе, – хозяин попытался сказать что-нибудь приятное гостю.

– Рядовой, – ответил Марат. – Разжалован из капитанов. Так что мне по субординации со старшим лейтенантом пить не положено.

– Вольно, – сказал Сергей. – Расслабься, солдат. Мне «на дембель» капитана присвоили. За что разжаловали, можешь не рассказывать, если неприятно. Сам понимаю, списали на тебя чей-то грех, как это водится. Я угадал?

– Да, – глухо ответил Марат.

– Все погибли? – снова спросил Сергей.

– Почти, – глухо ответил Марат. – Как и в тот раз, в девяносто пятом... У нас с тобой...

Сергей почесал в затылке:

– Нехорошо перед переговорами «сливу мочить»... Да уж ладно, давай по третьей – за будущее? А? Не ожидал я встретить кого-нибудь из «Ноля»... Тебя не ожидал встретить. Мне передавали во времена второй войны, что ты пропал без вести и считаешься погибшим.

– Наливай по половинке за будущее, – решительно сказал Марат.

– А тут больше и нет, – сообщил Сергей. – По двести пятьдесят на глотку – и чисто.

Они глотнули «за будущее» и принялись с аппетитом уничтожать бутерброды с семгой и икрой, подливая ароматный кофе из большого кофейника.

Марату, который во второй раз за день окунулся в воспоминания давних дней, не давал покоя вопрос:

– Серега, не поверишь, сегодня снился тот день. Вскочил в поту...

Смирнов кивнул с набитым ртом, прожевал:

– Сон в руку!

– Куда вас угнали тогда? Я долго пытался выяснить, что случилось. Дело в том, что погибли обе группы – и твоя, и моя. Моя – потому что пришлось выполнять задание половинным составом, без поддержки... Сам понимаешь – без невесты пошел жениться! Ради чего это было? Ведь все полегли...

Сергей наморщился, ему явно неприятно было вспоминать все это, и Марат хорошо его понимал.

– Нас забросили на Кодорский перевал. Задание – перехватить караван с оружием. Были оперативные сведения, что с караваном идет Хаттаб, несет деньги для Басаева – большую сумму. Так что все было резонно. Если бы оперативка оказалась достоверной, если бы удалось захватить или хоть уничтожить два «лимона зелени» от арабов, – следующий год был бы тихим. Что я тебе объясняю? Без оплаты, на подножном корму там сразу все «обмерзают». Однако «вертушку» повредили сразу – поджидали.

Хорошо, что «Стрелы», или «Иглы», или «Стингера» у них не было! А то бы... сразу всем – «кирдык». Но повредили при высадке только винты. Летчики пошли с нами. Сразу столкновения, уходили по горам – а все было перекрыто. Ясное дело, ловушка сработала – и нас выбивали день за днем. Я на четвертые сутки вышел к резервному месту – один. Эвакуировали. Дай мне еще твою – «термоядерную», – Сергей снова задымил «Десантом», держа его в дрожащих пальцах. – Я плохо помню последние дни. Все как ты говоришь – тяжелая контузия, воспаление мозговой оболочки. Меня долго вытаскивали на этот свет в «Бурденко». Да и до сегодняшнего дня наблюдает Шеин – помнишь его? Спеца по мозгам?

Марат хмуро ответил:

– Помню.

– Такие дела...

Пора было заканчивать завтрак и короткие воспоминания о боевом прошлом. Прошло больше десяти лет, двадцатипятилетние ребята стали тридцатипятилетними мужчинами, им нужно было строить свое будущее.

Сергей перевел тему:

– Мы это все еще обсудим – может, и в сауне. Ты лучше скажи, где ты сейчас? Доволен? Этот твой Федорцов – мужик правильный?

Марат хмыкнул:

– Нормальный мужик. Приватизировал Долохов, работает на авиацию, вот и нефтью заинтересовался. Я обычным делом у него банк охраняю, а иногда к срочным делам подключают.

– Спецоперации? – игриво предположил Сергей. – Не потерял форму? – Он принял боевую стойку.

Марат мгновенным прыжком оказался посреди комнаты, подхватывая игру:

– Не суйся, контуженный, пробью скорлупу!

В дверях появился старший Смирнов, поводя носом на плебейский дым и косясь на пустую бутылку:

– Ну что, молодые люди, нам пора в гостиную. В другой раз порезвитесь...

Сергей широко улыбнулся:

– Хорошо, отец. Мы готовы, – он смущенно поглядел на предательскую бутылку. – Неожиданная встреча вышла, мы считали друг друга погибшими... А теперь жить будем долго!

На деловой встрече Марат увидел еще одного старого знакомого – Степана Гавриловича Губаренко. В прежние времена он отзывался на слова «товарищ полковник», а позже – и «товарищ генерал-майор». Ему впоследствии подчинялась группа «Ноль». Впрочем,

теперь он выступал в качестве гражданского лица. По лицу Суворова он только скользнул взглядом, сухо кивнул всем, продемонстрировав лысый череп. Марат тоже не был расположен к рукопожатиям и объятиям «боевых товарищей». Гусь свинье не товарищ, и разжалование капитана спецназа Суворова происходило не без санкции его начальника. Знай Марат, с кем ему доведется сидеть за одним столом, пожалуй, отказался бы.

– Зря ты меня не предупредил о «Губане», – шепнул он Сергею, на что тот только пожал плечами.

Люди занятые, без предисловий перешли прямо к делу. Старший Смирнов коротко огласил повестку:

– Итак, господин Губаренко готов предоставить нам часть рабочей документации, чертежей и планов геологоразведки по буровым вышкам в районе Гюнешли. Он готов уступить свои... гм-м... права и сведения по всем двенадцати объектам в том случае, если мы сумеем договориться с консорциумом АМОК на передачу нам замороженных буровых на тех или иных условиях.

Губаренко, насупив брови, буркнул:

– Если эти мудаки вернут конфискованные вышки, там за год можно возобновить добычу. А у них это в плане только на 2009 год. Там проржавеет все до конца... Погибло добро.

Смирнов терпеливо дал ему проявить свое недовольство и продолжил:

– Юридические права на эту собственность можно считать утраченными после национализации их Азербайджаном в 1993 году, – на эту фразу генерал Губаренко нечленораздельно заворчал. – Это дело международного суда и тянуться оно может десятилетиями. Нас сейчас интересует практический вопрос. Первое: согласится ли нынешнее руководство в Баку ускорить ввод в эксплуатацию этих вышек с нашей помощью? Второе: каково физическое состояние замороженных буровых? Господин Губаренко предоставляет нам некоторые документы, на основании которых мы сможем на месте прояснить ситуацию. Что вы принесли, Степан Гаврилович?

Отяжелевший и постаревший с тех пор, как Марат видел его в последний раз, генерал развернул бумаги на столе:

– Вот техническая документация по двум платформам. Вот данные по разведочному бурению... не все, конечно, только для образца. У них – айзеров – ничего этого нет, и у British Petroleum нет. Это стоит больших денег. Кто поедет в Баку?

Снова вступил Смирнов:

– Наша компания – «Транснефть» – и господин Федорцов, который представляет не только себя, но и своих киевских партнеров, готовы предпринять некоторые шаги. Мы подпишем предварительное соглашение, выплатим скромный аванс за документы и собираемся послать наших представителей в Азербайджан. Перед официальным пуском нефтепровода в Баку намечается на днях общее совещание сторон-участников проекта. Там будут рассмотрены все проблемы, – а их очень много, – по строительству БТД. Это удобный случай провести свою разведку, так сказать.

– Кто поедет? – снова спросил Губаренко.

Подавал голос и Федорцов:

– Какой аванс предполагает получить господин генерал? – спокойно спросил он.

– Разведочные карты стоят миллионы, – заявил тот. – За эту часть заплатите мне сто пятьдесят тысяч.

– А если Баку не захочет выпускать из рук скважины? Списать деньги в убыток?

– Продадите документы англичанам и еще хорошо заработаете.

Федорцов, хорошо знакомый с европейскими фирмами и их манерой вести дела, только усмехнулся:

– А если British Petroleum давно имеет эти карты или предпочитает доверять только собственным специалистам, а не советской туфте, неизвестно в каком ведомстве подготовленной?..

– Это ваш коммерческий риск, – ядовито подчеркнул генерал, он явно был не в духе. – Бесплатно такие документы получить нельзя.

Смирнов немедленно принялся тушить пожар:

– Степан Гаврилович, вы несправедливы в своем раздражении. В свое время Гейдар Алиев поступил, конечно, жестко. Но ведь документами обладаете именно вы. Никого не заинтересует малая часть ваших карт, но несомненно их захотят купить целиком. И тогда вы сможете в любом случае получить за них полную цену. Так что размеры аванса конечно же должны быть более скромными. Это только жест нашей заинтересованности и доброй воли. Кроме того, Андрей Павлович напрасно беспокоится о предварительных тратах – мы целиком возьмем их на себя.

Федорцов с улыбкой поднял руки вверх: «Нет вопросов».

– От нашей стороны в Баку поедет мой сын, – продолжил Смирнов. – Я плохо переношу южный климат и все равно ничего не понимаю в технических вопросах. Сергей недавно закончил Нефтехимический институт, – с некоторой гордостью заявил отец. – Заочно получив второе образование, он теперь сможет достаточно профессионально разбираться в состоянии дел на платформах. Господин Федорцов сам решит, кто займется этим вопросом.

Тот кивнул и подтвердил:

– Возможно, съезжу сам. Я еще недостаточно разобрался в существе вопроса.

– У вас будет возможность проанализировать все аспекты обстановки вокруг этого нефтепровода, – кивнул в его сторону старый дипломат. – Завтра намечается прием в представительстве Болгарии, где соберутся многие заинтересованные лица – в том числе, возможно, и ваши друзья из Украины.

Федорцов удивился и заметил:

– Если придут «нефтехохлы», это будут «братья» Юлии Тимошенко, а их пока трудно назвать моими друзьями. Но почему у болгар?

Смирнов улыбнулся:

– Нефтепровод Бургас – Александруполис – как раз и есть один из двенадцати альтернативных проектов, которые рассматривает правительство Российской Федерации. Туда предполагается завозить нефть танкерами из Новороссийска и перекачивать в Грецию. В связи с предполагаемым пуском БТД всполошился буквально весь нефтебизнес. Вы сможете увидеть там не только представителей из Казахстана, Туркменистана, Ирана, но даже Китая, не говоря уже о прибалтах, немцах, и так далее и тому подобное. Можно будет разом увидеть почти всех конкурентов этого нефтепровода. Многие из них рассчитывают продвигать через наших чиновников свои собственные проекты.

– Так, может быть, и нам стоит сориентироваться на иные перспективные направления? – спросил Федорцов, у него уже появилось отчетливое желание сбить спесь с генерала Губаренко. – Как вообще правительство отнесется к вашей инициативе участвовать в бакинских делах, Петр Петрович?

Петр Петрович Смирнов развел руками:

– Вы сами понимаете, Андрей Павлович, нет такого единого понятия, как «отношение российского правительства». Никого не может радовать работающий нефтепровод, который проходит мимо нашей территории, никому не нужны «Каспийские эскадроны» из американских солдат, которые базировались бы в Азербайджане... Но многие сожалеют теперь о проданных десяти процентах БТД и были довольны нашим присутствием в Баку. А иные силы усердно занимаются проектами отделения Осетии и вовсе предпочли бы устроить там кро-

вавую заварушку. Что тут сказать?.. Определенные силы нас поддерживают, другие будут всячески противодействовать.

Суворов все это время сидел на своем месте подле шефа и внимательно слушал. Никакого его участия в переговорах, конечно, не предполагалось. Он входил в курс дела на случай поездки в Баку, а потому фиксировал в голове сведения и помечал вопросы, которые при необходимости задаст Федорцову.

Марата гораздо больше интересовало неожиданное продолжение истории десятилетней давности, когда были разом уничтожены два элитных подразделения его группы и едва не погиб он сам. Воняло предательством. Ни тогда, ни сейчас он не мог сформулировать точнее, в чем заключалось предательство, но оставалось мерзкое ощущение, что их продали. Нельзя было сказать, что Марат подозревал персонально Губаренко, чье грубое лицо сейчас маячило через стол от него. Не было данных, не было свидетелей.

Марат рассуждал о тех сведениях, которые услышал от Сергея Смирнова – ведь раньше не было и их. Все было покрыто сплошной завесой армейской секретности, субординации, подчиненности, конкуренции различных ведомств и служб. Однако было ясно, что отмена, точнее – кардинальные коррекции в плане операции могли быть внесены только руководством. Речь не шла о предательстве офицера из штабных, который продал оперативные сведения чеченцам из непримиримых.

Воскрешение прежнего друга было радостью, но смешивалось с привкусом горечи, привкусом подозрения. Не было военной логики в том, чтобы послать половину группы на перехват каравана. С тем же успехом можно было последовательно осуществить обе операции или забросить к пограничникам десантуру. Марат размышлял, стоит ли вообще ворошить прежние дела. Надежды узнать правду, в общем-то, не было никакой. Смысла ее выяснять – и того меньше...

Еще через полчаса наконец задвигались стулья, собравшиеся поднялись и засобирались на выход. Сергей подошел к долоховчанам и, улыбаясь по привычке, спросил:

– Завтра мы, конечно, увидимся у болгар. Ну а как насчет сауны сегодня вечером?

Федорцов пожал плечами:

– Если Марат рвется, то я не возражаю. А вот мне придется провести еще пару-тройку встреч, а вечер посвятить бумагам.

– Где вы остановились?

– Пока не знаю, – Федорцов набрал номер водителя Володи и уточнил у него. – Гостиница «Европейская», номера 303 и 305. Первый мой, второй – Марата.

Они быстро договорились, как найти друг друга после окончания рабочего дня, затем Суворов и Федорцов отбыли из гостеприимного особняка, дождавшись машины.

Первым делом, сев в «лендкрузер», Федорцов набрал киевский номер:

– Алло, Богуслав? Как дела?

В трубке послышался характерный веселый голос:

– «Оранжевая мама, оранжевый верблюд!..» Песня про украинскую революцию. Через три дня назначено совещание с представителем ГПУ – вот уж точно назвали свое заведение: «Генеральная прокуратура Украины»! Без мыла лезут со своей деприватизацией! Отнимут у наших партнеров завод, и все придется начинать по новой. Надо вам самому подъехать к гэпэушникам. А что Москва?

– Пропахла нефтью, Боб. Ты мне лучше скажи, ты своих посольских в столице знаешь?

– Болгар, что ли, имеешь в виду?

– Да.

– Представитель по экономическим связям со странами СНГ подойдет? А то мы с ним вместе борьбой занимались.

Богуслав Кочаров был известным спортсменом у себя на родине, пока судьба не занесла его в Россию. В его роду был и знаменитый штангист Новотны, так что он с детства привык видеть в доме партийных функционеров, которых позже сменили «новые болгары», близкие к спорту. Так что связи у него были весьма обширные.

– В самую точку попадает! Завтра у них прием в честь нефтедолларов и газорублей. Ты мне нужен. Садись на самолет и дуй сюда. Надо, чтобы завтра утром ты с ним обновил знакомство.

– С радостью, – захохотал Боб. – Мне эти украинские «грицьки» в костях уже сидят, а в посольстве хоть домашним вином угостят. А как с ГПУ?

– Там разберемся, – завершил разговор Федорцов и повернулся к Марату: – Ну что, получилась неожиданная встреча?

– Для меня – да, – кивнул Марат. – А для вас?

Федорцов хитро прищурился:

– Я, скажем, смутно предполагал. Проверили биографии партнеров, как это и следует делать, – выяснилось, что младший Смирнов служил практически в той же части, что и ты, в одно время. Старых счетов нет?

Марат почесал затылок.

– Да как сказать, Андрей Павлович. При непонятных обстоятельствах в один день были уничтожены и его, и мое подразделения. Я считал, что он умер в госпитале. Между прочим, все это происходило при участии того самого Губаренко.

Федорцов округлил глаза:

– Вот оно как! Дела... Собираешься что-то предпринять по этому поводу?

– Десять лет прошло, – задумчиво протянул Марат. – Но в одно местечко я бы заглянул ради старой памяти. Дадите машину на часок?

– Устроимся в гостинице, потом доставите меня в Думу и можете быть свободны часа два. Я вызову Володю, если понадобится. Лучше скажи, что думаешь по поводу совещания. Что знаешь об этом Губаренко?

– Отец-командир... Я долго с ним служил – по нашим меркам, боевым. Подразделение «Ноль», спецоперации. Он сильный оперативник и тактик, способен продумать многоходовую операцию и в точности ее выполнить. Однако, как выяснилось впоследствии, может пожертвовать при выполнении операции любым из нас. Так что «отцом» мы его больше не считали, да и «командиром» он тоже перестал быть. О карьере его ничего не знаю – не моего полета птица. Известно только, что в Москве, в Генштабе, у него была сильная «рука». Ему все сошло с рук: в том числе и гибель нашей группы. Не понимаю, откуда у него материалы по месторождению Гюнешли и чем его так разобидел Гейдар Алиев.

Федорцов хмыкнул:

– Тут все просто. В 1993 году Алиев-старший устроил в Азербайджане референдум, всеобщие выборы и стал полноправным президентом независимой страны. Тогда же были частично национализированы буровые платформы в Каспийском море. Да и вообще все стало принадлежать Алиевым и их клану. Ну, пусть не совсем так – в стране и других кланов достаточно, но русских оттуда вытолкали взащей...

– Как отовсюду, – вставил словечко Володя.

– А вот откуда у него взялись шесть буровых – ума не приложу. Какое у него тогда звание было?

– Полковник, – ответил Марат.

– Не по чину имущество, – протянул Федорцов.

– Группа Смирнова еще в 1995 году была уничтожена в засаде «стоимостью» в два миллиона долларов, – сказал Суворов. – Представляете, какая сумма для тех времен? Чечены

несли эти деньги наличными для Басаева. Вернулся один Смирнов, а отправлял его Губаренко, специально прибывший для этого из Москвы.

– М-да-а... А ты себе представляешь полковника спецподразделения ГРУ, который сговорился с чеченцами? – засомневался шеф.

– Я теперь что угодно могу себе представить, – сказал Марат. – Например, два миллиона, которые поделили Смирновы с Губаренко.

– Версия, достойная рассмотрения, – согласился Федорцов, – но это мало что нам дает. Факт остается фактом – документы на эти вышки остались у него, а сами платформы ржавеют до сих пор под Баку. У нас в общем-то простой резон: при помощи наших капиталов реанимировать работоспособность скважин. В 1993 году они ведь давали добычу, затем были брошены и с тех пор стоят. А трубу от Баку до турецкого побережья нечем заполнить.

– Гостиница «Европейская», – объявил остановку Володя. – Осторожно, двери открываются.

Все отправились устраиваться в номерах.

Час спустя Суворов входил в приемное отделение Московского военного госпиталя им. Бурденко – заведение, знакомое многим и многим солдатам, воевавшим в горячих точках. Марат привычно осмотрелся и обнаружил пожилую медсестру, дежурившую на регистрации.

– Здравствуйте, сестра, – тепло поздоровался он. – Скажите, можно ли разузнать, майор медицинской службы Гераськин все еще работает здесь?

Сестра оглядела его усталым взглядом:

– Старые раны заныли? – наметанным глазом узнала она старого солдата.

– Как раз нет, – бодро отвечал Марат, – он меня хорошо залатал, не беспокоит.

– То-то и видно, что давно не был у нас, служивый. Полковник Гераськин теперь завотделением нейрохирургии. Сейчас узнаю, есть он на дежурстве или нет, – она принялась крутить внутренний телефон.

Узнав, кто его беспокоит, полковник приказал пропустить старого пациента во внутренний прогулочный сад. Туда и вышел к нему:

– Здравия желаю, товарищ полковник! – гаркнул Марат.

– Здравствуй, Седой, – протянул руку офицер. – Не сложил еще головушку?

– Не дождутся душманы моей смерти.

– Ну и слава богу. Как плечо?

Марат дважды был ранен практически в одно место – левое плечо. Майор Гераськин долго возился тогда, восстанавливая функции связок и сухожилий. Вместо ответа пациент продемонстрировал редкий элемент гимнастики: он упал лицом вниз, выставив вперед левый кулак, почти коснулся лицом земли, держа руку в упоре, затем резко оттолкнулся и вернулся в исходное вертикальное положение.

– Ну силен, бродяга, – оценил его акробатику врач, – вопросов больше нет. А на то, что ноет к непогоде, – не обращай внимания.

– Я и не обращаю, – успокоил его Марат.

Они присели на лавочку под зазеленевшим апрельским деревом.

– Поздравляю с очередным званием, – вспомнил Марат. – А то я майора по старой памяти спрашивал. Будете здесь дослуживать, я понимаю?

– Спасибо, буду. Иначе кто вас на ноги поднимать станет? Ты благополучно живешь?

– Вполне.

– Был бы «вполне» – не пришел бы ко мне, – неожиданно в рифму получилось у врача. – Что привело?

– Старинные дела. Только сегодня узнал, что мой товарищ жив.

– Кто?

– Старлей Смирнов.

– Да он вовсе и не погибал, – удивился военврач.

– Вы не помните характера его ранений тогда – в 1995 году? Его отправили в Москву, а вы уж тоже к тому времени вернулись в «Бурденко».

Врач задумался, припоминая, и пожал плечами:

– Он был не по моей части. Состояние довольно тяжелое, странное даже... Но по линии неврологии и психиатрии. Мы проверили его, но Шеин, который его привез, плотно наблюдал сам, возился... Впрочем, как и сейчас. Вы как специально собрались – я и сегодня видел Сережу Смирнова в приемной у Шеина, поздоровались издалика. А что тебя смущает?

Марат закурил, чтобы замаскировать паузу.

– Понимаете, Игорь Иванович, нас усадили в разные стороны, а вернулись мы порознь, но практически в одиночку – все тогда погибли. Он много дней по горам пробивался к своим, тяжело контужен был. Вообще многодневные бои и преследование в горной местности – штука тяжелая... Говорили, у него воспаление мозговых оболочек было и что не выжил он.

Доктор вытаращил глаза:

– Да кто тебе эти глупости наговорил? Никаких контузий у него не было. Истощение, сумеречное сознание или что-то в этом роде, в общем – психиатрия сплошная, темный лес. Шеин забрал его в свою исследовательскую лабораторию, возился долго и в конце концов комиссовал.

Дело не нравилось Марату – как тогда, так и сейчас.

– Игорь Иванович, что с ним могло быть, как по-вашему?

– Дай-ка мне сигарету, капитан...

– Я разжалован.

– Знаю. Я почти не курю. Свои – точно не курю, – как-то грустно пошутил военврач. – Не из экономии, конечно... Вы чем занимались у «чехов»?

Марат немного смутился, сказывалась давняя привычка держать язык на привязи – от этого часто зависела жизнь людей:

– Спецоперации... Резня, одним словом.

– Вот то-то и оно. У вас такие перегрузки были – физические и психические – ни один не мог остаться в своем уме. Знаю, что Шеин вел специальные психофизические курсы: он занимался со взводом Смирнова, а твои были вроде контрольной группы. Попытались повысить устойчивость или что-то в этом роде. Он не распространялся, это ведь все по линии ГРУ, совсекретно. Может быть, что-то перехимичили с подразделением Смирнова, а может быть, сам по себе не выдержал. Еще может быть – попал в такую переделку, которую вообще нельзя вынести, – начинаются изменения в сознании, часто необратимые. В общем, спроси, Марат, что-нибудь попроще, например: как заработать миллион.

– Как? – улыбнулся Марат.

Врач не ответил на улыбку, сказал:

– Честных способов нет. А у Смирнова и Губаренко деньги после войны появились.

Думай сам...

Вечером, когда уже стемнело, младший Смирнов подкатил к Марату на новенькой «мазде» цвета мокрого асфальта:

– Вертолет подан! – весело окликнул он товарища. – Прокатимся по кольцевой с ветерком?

Марат уселся рядом в комфортное кресло:

– Давай.

Выехав на МКАД, Сергей вдавил педаль газа чуть не до пола. Машина понеслась, лавируя между попутными автомобилями.

- Деньги приготовил? – спросил Марат.
- Продавцам полосатых палочек? Конечно. Но нас не остановят.
- Номер специальный?
- Не важно. Может, я везучий такой.
- Похоже, – заметил как-то многозначительно Марат, и Сергей это почувствовал.
- Намекаешь все на ту же историю?
- Не только...
- А ты, пожалуй, прав, – снова заулыбался Сергей.

Линзы желтых монохромных очков защищали глаза от ветра, который бил в лицо из приоткрытого окошка. На лице появилось хищное выражение, знакомое Марату еще по службе. Сергей по-особому оскаливал зубы и щурил глаза, когда становилось опасно и надо было принимать мгновенные и абсолютно верные решения, чтобы остаться в живых в следующую минуту, час и день.

– Мне ведь действительно повезло, Седой. Выбрался живым из мясорубки. Правда, что называется, «чердак поехал». Думал – хана мне. С моей башкой медик наш – Шеин – долго провозился. Но ведь выходил! Из армии решил я уходить начисто. И тут оказалось, что пока мы гонялись по горам за вахабитами недорезанными, отец мой, сидя по Голландиям да Германиям, не вина на приемах распивал, а занимался самым что ни на есть конкретным делом. Ельцин тогда с Колем – «дядей Колей» – начал васькаться на брудершафт, полезли к нам немецкие фирмы, а наши, соответственно, к ним. Тут мой отец и пригодился всем сразу. В те времена ведь – пока еще не сформировались как следует капиталы – самым важным были личные связи. Доверие, так сказать, между партнерами. А у кого они были тогда – связи с капиталистами?

Марат внимательно наблюдал за товарищем, не перебивая его речи. Особенно выдавали Сергея руки: костяшки побелели, потому он слишком крепко сжимал рулевое колесо. Речь шла как-то взახлеб, неровно. Да и машину он бросал нарочито резко.

Сергей снова почувствовал это отношение и поспешил объяснить:

– Это лучший отдых для меня – погонять на хорошей скорости. Лучше, чем бабы и водка. Ты не женился? – неожиданно поинтересовался он.

– Нет, – покачал головой Марат.

– И правильно. Не для нас это... Понимаешь, оказывается, отец успел стать необходимым звеном, посредником между нашими доморощенными бизнесменами и Западом. Выхожу из больницы, а у меня готовая поляна – занимайся тем, что в руки идет. Присосался он к газово-нефтяной трубе – не оторвать. А тут пошла экономическая война между английскими и немецкими нефтяными компаниями. А потом – прибалты, белорусы, Украина... А у отца все связи на руках, в правительство вхож. Такие проценты на руках налипли!.. Слушай, Марат, хочешь я тебе покажу, что в Москве ночью бывает? Закачаешься! – неожиданно загорелся Сергей, вертя головой во все стороны, будто высматривая поблизости самое сумасшедшее из московских развлечений.

Марат, которому суматошная езда с возбужденным по непонятной причине товарищем нравилась все меньше и меньше, ответил:

– Знаешь, чего я хочу?

– Ну?!

– Братан, дай порулить твоей «маздой»!

Воскликнув «Эх!», Сергей решительно выкатил на обочину и затормозил:

– Никому бы не дал, но тебе отказать не могу. Десять лет не виделись, хоронили друг друга...

Марат пересел за руль, и у него наконец появилась твердая надежда вернуться с прогулки целым:

– Ты командуй, куда держать путь, – напомнил он. – Мы в баню-то собираемся?

– А? Да, конечно, – спохватился Смирнов.

Оказавшись на месте пассажира, он закурил, притих и явно стал приходить в себя.

– Ты что взъерошенный такой? – с участием спросил Марат. – «Коксу» нюхнул?

– Что? Да нет, не балуюсь. От него в пару лет сторишь. А что, похож на наркомана?

– Нет, взбудораженный просто.

– Ладно, гони в сторону Кунцева, там покажу. Действительно, что-то я дерганный сегодня. Поехали, распаримся, может, отойду.

– Ты хоть «матрешек» не заказывал?

– А надо было?

– Нет. Или – пока нет.

– Правильно, Седой, они покоя не дадут. Да и вызовем в любой момент по мобиле.

– Да ты меня удивить не старайся, Серега, – уgomонил его Марат. – Я ведь не из лесу приехал. Могу тебе про свои приключения на площади Пигаль порассказать. Обхохочешься...

Они прибыли наконец в небольшое заведение под вывеской «Спортивно-оздоровительный клуб “Hot Night”», снятый Сергеем на ночь. Неприметное снаружи полуподвальное помещение внутри было оборудовано всеми изысками современной Москвы – саунами, соляриями, тренажерными залами и номерами с девицами. Марат отказался от всех благоний и масел, обнаружив, что сауна обшита кедровой доской:

– Не порти аромат, кедр сам все даст, – настоял он и температуру выше ста пяти градусов тоже отсоветовал – лишнее, мол.

Совершив три захода, расслабившись как следует, они почувствовали себя в родной атмосфере мальчишника, а потому отказались и от массажа, и от джакузи, и от барышень, в общем, – ото всех многочисленных услуг, ограничившись пивом и водкой, закуска – не в счет. Хотелось просто поговорить.

Возобновив при помощи пива потерю жидкости и «накатив сверху» водки, Сергей наконец размяк – напряжение, державшее его весь день, схлынуло, будто вышло потом на кедровой доске.

– Что ты думаешь о том деле? – сравнительно спокойно спросил он наконец Марата.

– При недостатке сведений ломать голову бесполезно, – ответил ему товарищ. – Версий я могу изложить сколько угодно, но толку от этого не прибавится. Я не знаю главного – куда вас посылали.

– Подозреваешь меня?

– В том числе. Никто еще не отмылся от подозрений, если вернулся с задания в одиночку.

Сергей согласно кивнул:

– Я сам не знаю, что думать. Весь день, как на еж. Даже к врачу смотался.

– Я тоже, – ответил Марат, – в «Бурденко».

Сергей удивился:

– Могли там встретиться. Что за совпадения целый день! То десять лет не виделись, то по два раза на день пересекаемся. Ты тоже к Шеину заглядывал? Хотя вряд ли... Он же твоим подразделением не занимался.

– Я этому рад. Нет, я был у Гераськина, и он сказал, что никакой контузии у тебя не было.

Сергей поглядел Марату в глаза, отвел взгляд и взялся за бутылку, наполнил опустевшие рюмки.

– Проверял, значит... Давай-ка выпьем, и я скажу тебе...

Они опрокинули, не чокаясь, рюмки, помолчали.

– Мне самому не дает покоя эта история. Я помню все, будто старый фильм, который видел в детстве. Кажется, даже черно-белый... Не знаю, как сказать. Помню ребят, бой, но все, будто из-под воды смотрю. И сны дикие мучают – то море, то пещеры, то я сам расстреливаю погибших пацанов... Вскикиваю в поту, таблетки жру, водку. Спасибо, что Федор Константинович выручает все годы...

Марат поджал под себя ногу, устраиваясь поудобнее, сочувственно сказал:

– У меня тоже сны такие бывают... не мультики про Чебурашку. Слушай, Серега, а чем он с вами вообще занимался? Чего добивался? Мне Гераськин сказал, что я был в контрольной группе – для сравнения.

Смирнов пожал плечами:

– Психофизическое стимулирование и еще куча научных терминов. Примерно, как у йогов – контроль над телом, раскрытие неиспользуемых резервов организма.

– Да я помню, как ты на полосе чудеса вытворял и в рукопашке бился, будто я на месте стою или уснул. Допингом кормили, что ли?

– Там была какая-то химия, но в основе – активация участков мозга. Там и шлемы специальные были электрические, как в научной фантастике, и кодирование, как у алкоголиков... Налить еще?

– Хватит пока, а то за руль еще надо садиться.

– Не переживай, можно и здесь в номерах переночевать.

– Боюсь, Серый, что перемудрили они. И Гераськин то же самое говорит. Ты прикинь, как сволочи-тренера обкармливают спортсменов анаболиками. Мышцы растут, результаты стремительно повышаются... А к тридцати годам те, кто послушно жрал это все, – уже инвалиды. А тренер новых кормит. А предыдущих списал за ненужностью...

Сергей возмутился:

– Я их сам всех спишу! Губаренко!.. Тоже мне фигура!.. Генерал говенный... Сто пятьдесят штук на стол! – передразнил он, скорчив рожу. – Знаешь, сколько он получил за свои бесценные карты от отца? Десять тысяч!

Они дружно рассмеялись. Обидный прокол старого гэрэушника развеселил их, они принялись хлопать друг друга по плечам, и дальше вечеринка, начавшаяся в довольно сумеречном тоне, покатила на вольных парусах.

Несколько часов спустя друзья выходили из заведения, горланя и размахивая руками. Не то чтобы они всерьез напились, но настроение было как на офицерской пирушке – бесшабашное. Марат рассказывал о недавних парижских приключениях – финальной драке под мостом. Сергей от этого пришел в боевой задор и все время порывался показать Седому какой-то особо полезный прием ближнего боя:

– Да погоди ты! Вот, смотри, Седой!.. Ныряешь вниз, к ногам...

– Лучше с утра в зале попрыгаем, Серега, – не соглашался Седой, – заодно похмелье выгоним. Завтра покажешь, а то спяна завалишь меня и жалко будет...

– Да я в тонусе, – возражал Серега, – не промахнусь.

– Я этого и опасаюсь, – резонно заметил его товарищ.

Молодой охранник, дежуривший на входе и выглядевший со всеми своими буграми мышц как живая реклама оздоровительного заведения, уже заметно морщился на гостей, которые застряли в коридоре – ни вперед, ни назад. Как все работники развлекательных предприятий, он давно привык к беспокойным богатым клиентам, которым кажется, что кошелек заменяет им все – молодость, красоту и ежедневные тренировки.

Сергей наконец заметил молодого «геракла» на дверях:

– О, братан! Ты тут вышибала?

– Бывает и так, – снисходительно заметил парень.

– Тогда можно, – решил Серега. – Ты приготовься, я, типа, нападаю на тебя... Как зовут-то?

– Сергей.

– Не робей, тезка.

Охранник, подыгрывая пьяному клиенту, повернулся к нему, выжидательно глядя сверху вниз. Он явно ставил себе задачу не помять богатенького фраера – это пахло увольнением без пособия, а то и хуже.

Серега нырнул ему в колени, охранник схватил его за шиворот и задницу, чтобы аккуратно выкинуть за дверь – точнее, ему показалось, будто он проделывает это. Как только он немного расставил руки, оторвав их от туловища, Смирнов мгновенно выпрямился и верхней частью двух ладоней ударил его снизу вверх под мышки. Плечи вышибало подпрыгнули вверх, выходя из суставов. Парень взвыл, закрутил торсом, пытаясь вернуть подвижность верхним конечностям, но руки висели плетью, кроме того, было заметно, что это доставляет «гераклу» сильную боль.

– Простая штука, Марат! – сообщил товарищу Сергей. – Очень удобно: один удар, пациент в сознании, полностью выведен из схватки, но может давать показания. Это все равно, что «стреножить» противника – но ты пока захват проведешь, пока спутаешь, веревка нужна или ремень... А так можно выбрать самого важного – «говоруна» – лишить его возможности активных действий, а тем временем разобраться с остальными – этот подождет. Как тебе?

Марат с ухмылкой наблюдал за этой комической сценой, в которой не до смеха было только охраннику.

– Выхих обоих плечевых суставов, – констатировал Суворов. – Без посторонней помощи ему их не вправить. Хороший способ. Стой спокойно, паренек, не зови никого. Сейчас все будет в порядке.

Марат поставил охранника сначала одним, потом другим боком и сильными рывками, сопровождаемыми толчком ладони, в два приема вправил ему суставы. Парень только охал, затем привалился к стене, обильно вспотев, принялся массировать плечи.

– Покрути руками – надо проверить, правильно ли встали, – скомандовал Марат. – Все работает, иначе ты бы выше носа руки не поднял. Недели две не тренируйся, потом начинай с небольших нагрузок.

– А как я работать буду? – наконец жалобно выдавил из себя парень, растерянно глядя на дебоширов.

Марат взглянул на партнера:

– Предъява конкретная. Плати больничный за месяц – травма при исполнении служебных обязанностей как-никак.

Сергей, сделав жест руками – никаких проблем! – порылся в карманах и вытащил из бумажника стопку купюр, отсчитал необходимое:

– Пойдет? – спросил он неудачливого вышибалу.

Тот развернул и сложил небольшой веер из сотенных бумажек, кивнул головой и не в тон движению добавил:

– Меня хозяин съест.

– Я Репеке позвоню завтра, объясню. Держи визитку мою на всякий случай, не дам пропасть. Держи кардан, не в обиду же...

Парень действительно не стал строить обид, понимая, что на этом ничего не выиграешь. Он проводил небезопасных клиентов до машины, приятно ощущая в кармане тугую пачку денег. В конце концов именно за эти неприятности ему и платили...

Сергей решительно рванул к рулю, Марат не стал ему возражать – обстановка на московских улицах была привычна Смирнову намного больше, а в его реакции и оценке

обстановки он не сомневался. Тем более, Серый, что называется, выпустил пар, а потому должен был уgomониться. Во время гонки по МКАДу он был куда опаснее...

– Поехали в шалман какой-нибудь с девочками? – предложил Смирнов. – Стриптиз уважаешь?

– Вполне, – согласился Марат. – Не тормознут пьяного?

– Не... – небрежно отмахнулся Сергей. – Ты насчет номеров правильно понял, не сунутся, пока в столб не въеду. А я не въеду.

– Тогда – вези.

Они неторопливо катили по Звенигородскому шоссе – Седой попросил не гнать, чтобы поглазеть на ночную Москву, а может, и высмотрят какое-нибудь соблазнительное заведение. В районе Ваганьковского кладбища внимание Марата привлекла сцена, которая разыгрывалась неподалеку от входа за ограду.

В дорогой мерседесовский микроавтобус несколько парней – по виду «братков» – заталкивали двух девушек. Делали они это сноровисто: короткий взвизг, матерное междометие, хлопок дверьми, и все.

– Неприятности у девушек, – заметил Марат.

– Хочешь вмешаться? – довольно равнодушно спросил Сергей. – Скорее всего, «пацаны» потащили «матрешек» на «субботник», – машина за город направляется. Я так нарывался: освободишь «метелок», а на них клейма негде поставить. За что черепа крушил?

Марат никогда не рвался в рыцари попусту – ничем, кроме кабацкой драки, это не «отсвечивало». Расстояние от промелькнувшего на встречной обочине «мерса» тем временем стремительно росло.

– Не похоже на «матрешек», – сказал Марат. – У одной сумка дорожная осталась на тротуаре...

– Ну и держись тогда, – ответил Серега. Он бросил машину в левый ряд, пропустил встречных и бросил машину в разворот на 180 градусов, вертя руль и работая двумя педалями – газа и тормоза. Разворот на скорости требует особенных навыков и долгих тренировок. Однако асфальт был сухой, машина абсолютно надежной, поэтому маневр был выполнен с ювелирной точностью.

Две секунды спустя они уже неслись в обратную сторону, притормозив на секунду, только чтобы подхватить дорожную сумку, оставшуюся на обочине. Новенькая «мазда» демонстрировала все свои роскошные скоростные качества – «бусик» замаячил впереди уже минут через пять.

Пошарив в сумке, Марат сообщил:

– Приезжая, не «матрешка» – точно.

Сергей достал из-под сиденья ствол и засунул за пояс:

– Их там может десяток набиться, – пояснил он, – в худшем случае, все со стволами. А легкий вариант – папины хренки резвятся, захотелось «непотертого мяса» – свежачка. Вот и подхватили на улице первую, кто понравился.

– Знакомо, – коротко сказал Марат.

Хмель бушевал в головах офицеров, призывая к подвигам и скандалам. В общем, Марат рассудил довольно здраво: лучше заварушка с дорожными бандитами, чем дебош в кабаке. В том, что Сергей сегодня ночью настроен на приключения, он не сомневался.

Смирнов догнал микроавтобус, который шел по крайней левой. Надо было остановить их, поэтому он выждал момент и выскочил на встречную, вырвался чуть вперед и бросил машину вправо, сминая «мерсу» фару и притормаживая. «Бусик» вильнул в сторону обочины и затормозил, издавая резкий визг. Сергей отжимал его дальше вправо, заставляя останавливаться. В финале он перегородил дорогу, а «бус» выскочил на тротуар, едва разминув-

шись со столбом. Пронесившиеся мимо автомобили бешено сигналили, но останавливаться и участвовать в разборке седоков из двух «крутых тачек» никто не собирался.

Сергея едва не на ходу выскочил из машины и бросился к водителю, который открывал дверцу и тоже рвался вперед к подрезавшей его машине. Выйти он не успел – Смирнов пнул с разбегу распахнутую дверцу, и выскакивающий на дорогу водитель улетел далеко назад от удара собственного железа. До конца стремительно развивавшихся событий он не подавал признаков жизни и тихо лежал под задним правым колесом.

Марат проскочил к пассажирской двери, отъезжавшей на шарнирах назад. Из нее как раз появился первый седок – коротко стриженный «спортсмен» в потертой кожанке. Марат оценил его и решил, что имеет дело не с резвящимися малолетками на папиной машине – парню было за двадцать пять.

Седой ударом ноги в грудь с налету вогнал его тело назад вовнутрь машины. Оттуда несясь мат и женские крики: «Помогите!» Это отчасти успокоило Марата в отношении, так сказать, правомерности их действий, хотя женщины, конечно, могли призывать на помощь и от посторонних, которые рвутся в машину к милой компании, которая везет их на ночной пикник к обоюдному удовольствию...

Марат нырнул на секунду в салон, вырубил ударом в шею второго пассажира и огляделся – это заняло долю секунды. На это время Марат оглушил их криком.

– Всем на пол! Милиция! – гаркнул Марат на тот случай, если напали – не дай бог, – к примеру, на оперативных сотрудников МВД, которые произвели задержание двух аферисток. Впрочем, это могли быть и любые другие менты, которые прихватили девочек «для отдыха», – отличить милиционера от «братка» стало иногда не просто. В любом случае, на крик «Милиция!» они должны были отреагировать: «Свой!» Этого не произошло.

Оценив ситуацию, Марат выскочил назад и присел слева от проема. В салоне было шестеро, не считая женщин, которых успели изрядно растормошить по дороге. Справа от водителя в кабине никто не видел – видимо, перешел в салон на забаву. Женщины, которых раздевали в глубине кузова, теперь сильно мешали тем, кто находился позади и удерживал их. Двоих, которые уже получили по удару, можно было в расчет не принимать. Водитель тоже наверняка получил свое от Сереги. Оставалось четверо, из которых крайний правый успел выхватить «волыну» и направить в сторону двери. Именно поэтому Суворов и покинул салон так поспешно.

Хлопнул выстрел изнутри, пуля чиркнула об асфальт. Затем из «буса» выскочил с пистолетом наготове его владелец. Марат, которого он не заметил внизу под рукой, распрямился и ударил кулаком под мышку. Щелкнул сустав выбитого плеча, «макар» упал на землю из онемевшей руки, а Марат завершил дело подсечкой-растяжкой, от которой ноги бандита разъехались широко в стороны – он сел почти на шпагат, взыв от резкой боли.

Среагировав на выстрел, Смирнов со своей стороны машины тоже выстрелил дважды – его пули прошли через левое боковое стекло и застряли в потолке. Это было безопасно для пассажиров, но очень впечатлило их – нагнало, как говорится, жути.

Марат поднял бандитский «Макаров», сгреб его стонущего владельца и прикрылся им. По примеру Сергея он тоже выстрелил в окошко по диагонали вверх и крикнул:

– Всем лечь на пол! Не шевелиться!

Из салона, где продолжалась возня и крик, раздалась в ответ три-четыре выстрела. «Пацаны» действительно ехали в полном вооружении – так что, по определению Сергея, они вытянули почти самый худший вариант. Впрочем, будь их в салоне десятеро плюс две девушки – они бы повернуться там не смогли – бери голыми руками.

И Марат, и Сергей выстрелили еще по разу тем же манером – каждый со своей стороны, затем Суворов показался в дверном проеме, заслоняясь бандитом, который все норovil подогнуть колени и сползти на землю, – его ноги не держали после «растяжки».

– Бросай оружие в двери и выходи!

– У нас заложницы! – донеслось из машины. – Застрелю обеих! – Кто-то истерично верещал свои угрозы, насмотревшись, видимо, американских боевиков.

Марат издевательски проговорил «командным» голосом:

– Мне по хер твои телки! Поверил, что я мент, сямка? Ползи наружу – или покрошу всех! – А затем он добавил ключевое слово – он по опыту знал, что оно безотказно действует почти во всех ситуациях: – Кто «бригадир»? Старший кто?

Как ни странно, стоит в экстремальной ситуации обратиться к авторитету старшего в стане противника – и это действует моментально и отрезвляюще. Вся ответственность сразу перелagается на предводителя, а подчиненные не решаются на дальнейшие действия, ожидая его реакции.

– Да он же... – нерешительно вякнули в салоне.

Бандит, находившийся в руках Марата, простонал:

– Я, я это... «Звеньевой»...

– Тьфу ты!.. – Марат засунул воняющий порохом ствол «макара» ему в рот, кроша передние зубы. – Скажи своим уродам, чтобы выходили, – конечная станция!

Как только рот освободился, «звеньевой» прохрипел:

– Делайте...

Поняв, что сквозь старшего в него стрелять, скорее всего, не станут, Марат подтолкнул «пленного» ближе к машине, почти ввалившись в салон. Держа его перед собой, он выглядывал из-за его головы то справа, то слева... то снова слева, – не давая прицелиться себе в лоб. Вытянутая рука с пистолетом убеждала в серьезности намерений, переводя ствол с одного на другого.

Женщины обезумели от ужаса и бились в руках бандитов, постоянно открывая их для выстрела – ничего поделать с этим было нельзя. Трое оставшихся убедились, что схватка окончательно проиграна: оставалось только палить сквозь «бригадира» наудачу – и еще неизвестно, пробьют ли пули его упитанное тело. К тому же оставался второй нападавший – он снаружи просто расстреляет их всех, даже если удастся замочить первого... В общем, «пацаны» решили сдаваться: они побросали оружие на пол и выпустили девушек из рук.

– Женщины, марш из машины! – скомандовал Марат.

Растерзанные, ободренные почти догола под куртками, две девушки выскочили наружу и заметались по тротуару, не зная, что делать и куда бежать. Там их перехватил Сергей:

– Девчонки! Быстро в нашу машину! Там вещи, прикройтесь! – он нашел единственные убедительные для них слова в этой ситуации. Обе несчастные мигом нырнули на заднее сиденье «мазды», обнаружив там к своему удивлению потерянную сумку с вещами.

Марат глянул в салон и убедился: первый, получивший удар стопой в грудь, начинает слабо шевелиться.

Второй, которому досталось по горлу, обмяк. Трое задрали руки, пистолеты на полу...

– Куда двигались?

– На «поляну», – неохотно ответили из кузова.

– Зачем девок взяли?

– На «субботник»... – последовал ответ.

– Быстро собрать шмотки от «теток», сюда их! – указал он стволом на пол. Марат всегда старался говорить на языке, доступном понимаю собеседника; все чаще встречались те, кто различал только хороший удар по голове.

Марат швырнул на асфальт главного – лицом вверх, направил пистолет в лоб:

– Ты чей, чмо?!

– Петровский... На него работаем... – быстро проговорил бандит. Что это значит, Марат, конечно, не знал. Смирнов, стоявший в тени за спиной, шлепнул его по плечу, услы-

шав ответ, и ушел к своей «мазде», стоявшей поперек тротуара. Суворов понял, что он на всякий случай не хочет показывать «браткам» лица: номера машины они не могли видеть, «мазд» на свете много, а с какими-то «петровскими» хозяевами связываться ему не с руки, наверное.

Марат принял решение. Он наклонился и рукояткой «макарова» выбил лежащему бандиту зубы – вплоть до коренных, – затем нырнул в салон и почти минуту работал там кулаком и той же тяжелой рукояткой, пока все не стихли. Затем он опустошил обойму в двигатель «мерса», чтобы машина не стронулась с места. Прихватив обрывки женской одежды и дамскую сумочку, он бегло глянул под сиденья и сверху – не выпали ли документы или записная книжка, принадлежащие девушке. Наконец он обтер ручку пистолета и бросил его в салон. Пора было уходить.

Он запрыгнул на свое место рядом с Сергеем и глянул на часы – все «скоротечное соприкосновение с противником» заняло меньше пяти минут. Серега выкатился задом на дорогу и рванул с места:

– Куда вам, девчонки? – сочувственным тоном спросил он.

– Здесь не очень далеко, – срывающимся голосом, но вполне членораздельно проговорила одна из них. – Здесь направо... если можно, – торопливо добавила она, чтобы не пропустили поворот.

Марат передал им вещи, повернувшись назад. Найдя в дорожной сумке какую-то одежду, девушки копошились, приводя себя в порядок, – симпатичные, лет двадцати пяти...

– Вы что... убили их?... – нерешительно спросила та, что указывала дорогу.

– Да что вы, нет, – заверил ее Марат. – Хотя следовало, конечно. Вышибли из них дух, машину попортили, – их через пару минут возьмут в оборот менты. За одно только оружие и стрельбу – уже срок получают. Да наверняка за ними найдется еще что-нибудь. Сядут, поганцы. А вы хотите подать заявление?

Девушки переглянулись и сказали:

– Нет-нет... Дружки убьют, узнают адрес...

– В общем-то, правильно, – согласился Сергей. – Но вы не беспокойтесь: они не скоро примутся за свое. Им славно досталось, не до того теперь будет.

– «Звеньевому» – точно, – подтвердил Марат.

– А вы думаете, вас не найдут? – обеспокоилась девушка.

– Думаю, нет, – сказал Сергей. – Но лучше уносить отсюда ноги... или колеса. Лишь бы по горячим следам по машине не прихватили сейчас. Кто-то из проезжающих мог заметить марку и цвет, сообщить в милицию. На это у людей еще хватает совести.

Девушки недолго пошептались, слышалось что-то вроде:

– Не бойся ты... надо помочь... а то и нас найдут... отстань, нормальные же...

Наконец все та же девушка предложила:

– У меня... у нас с мужем гараж во дворе – пустой сейчас. Загоним туда машину – и пусть стоит, сколько надо. А мы в дом поднимемся, там стол накрыт. Надо всем водки выпить, а то меня колотит всю, как лист!

Теперь переглянулись мужчины:

– Хорошая идея.

Минут через двадцать они сидели на обшарпанном диване в обществе Кайрата и Толика. Сестры Галина и Оля отсутствовали: одна возилась на кухне, а младшая забралась в душ – смыть с себя «следы их лап», как она выразилась.

– По-настоящему, его Толипберген зовут, – объяснял Кайрат, показывая месячного малыша в пеленке. – Это как положено: я – Кайрат Толипбергенович, он – Толипберген Кайратович. Мы казаки, – не без гордости сказал он, произнося «казах» как «казак».

По-казахски это слово именно так и звучало, Марат, который уже сталкивался с этим, подозревал, что русское казачество когда-то и взяло именно это наименование, переняв его у степных народов.

– А что означает «казак» на вашем языке? – тут же и спросил он. – Ведь наши казаки тоже так себя зовут.

Кайрат немного задумался:

– Это тот, кто по степи гуляет, вольный человек, молодец, в общем, – постарался объяснить он.

– Гайдук, – вставил свой вариант Сергей.

– Нет, у нас такого слова нет.

– Значит, с другой стороны пришло, – легко согласился Сергей. – Да ты не переживай так, все уже кончилось. Надо тебе водки выпить.

Кайрат кивнул:

– Не хочу на Толика дышать. Сейчас Галя покормит и уложит, тогда сразу стакан приму. Хоть бы у нее молоко не пропало, – переживал он. – Говорил же, надо было самому идти встречать Олю. Но она дома засиделась, захотела сама пробежаться на вокзал, с сестрой по дороге поболтать. – Казах говорил по-русски совершенно чисто, без всякого акцента, да и на вид мог сойти за европейца – красивый мужественный парень. – Решили на такси сэкономить, у вокзалов ведь дерут не по-божески. Поехали на метро, а потом уж ловили попутного частника, чтоб подешевле, – вот и поймались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.